

Мережковский Д. Маков цвет (драма в четырех действиях) filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Мережковский Д. Маков цвет (драма в четырех действиях).

В голубые священные дни
Распускаются красные маки.
Здесь и там лепестки их – огни –
Подают нам тревожные знаки.
Скоро солнце взойдет
Посмотрите –
Зори красные
Выносите
Стяги ясные
Выходите
Вперед
Девицы красные
Красным полымем всходит Любовь
Цвет любви на земле одинаков
Да прольется горячая кровь
Лепестками разбрызганных маков[2]
действие первое 18 октября 1905 года

Действующие лица:

Арсений Ильич Мотовилов – профессор – филолог. Под шестьдесят. Худой
болезненный, нервный. Не без благородства.

Наталья Петровна – жена его. Тихая, скорее полная. Не суетлива, проста.

Дети их:

Анна Арсеньевна Бунина – лет 30. Увядшая восторженная, всегда в волнении,
вдова.

Соня – бедная, худенькая нервная девушка лет 25.

Андрей – студент. Обыкновенное, молодое лицо.

Петр Петрович Львов – генерал-лейтенант, брат Натальи Петровны. Добродушен
без военной выправки.

Иосиф Иосифович Бланк – еврей. Молод но не юноша. Говорит без акцента.

Евдокимовна – старая нянька. Готовит и заведует хозяйством.

Фима – молодая деревенская горничная.

Действие происходит в квартире Мотовиловых. Столовая в доме Мотовиловых.
Арсений Ильич и Наталья Петровна кончают поздний обед. На столе канделябр
со свечами. Фима убирает посуду. Входит Евдокимовна.

Явление 1

Арсений Ильич, Наталья Павловна, Фима, Евдокимовна (Во время первого
явления Фима то входит, то уходит).

Евдокимовна. Кофе прикажете подать?

Наталья Павловна. Кофе? Нет, няня, подавай лучше прямо самовар. Уж поздно.
Подай тут, так чаю хоть сразу напьются.

Евдокимовна. Слава Богу, девятый час. Сонюшка хоть позавтракавши убежала, а
вот Андрей-то Арсеньевич с самого что ни на есть утра ни чаю не выпил, ни
что, Фимка в булочную только побежала, а он, гляжу, через кухню уже в
пальто, и готово дело. Куда? Что? Хоть бы чаю выпил. А теперь и не
пообедавши.

Наталья Павловна. Ну, он часто к обеду не приходит. С чаем закусит
чего-нибудь.

Евдокимовна. А тут фимка из булочной бежит: флаги, говорит, везде навешивают по улицам, и спокойствия нет, а дворники между собою гурчат. Я из окна-то выглянула, – действительно, правда, флаги. Что такое, почему? Ясное дело – потому что бунт.

Наталья Павловна. Да ведь говорили тебе, няня, что флаги по случаю манифеста. Манифест вышел о свободе.[3] Никакого бунта нет.

Евдокимовна (ехидно). Нету! То-то и видно, что нету. Лавки это позабиты, куру, и то Христом Богом у Иван Федотыча, с ворот ходила, выпросила, а свечей нет и нет, и лампы как не горели, так и не горят. Уж коли бы манифест, так лампы-то первым делом бы зажглись. А вы хоть на улицу извольте взглянуть: тьма-то тьмушая. Ясное дело: бунтуют и бунтуют. Тьфу! Чтoб вам на свою голову.

Наталья Павловна. Ты самовар-то неси, поставлен он у тебя?

Евдокимовна. Вот еще, спасибо, вода есть сегодня. А с завтрашнего дня, мне сам старший говорил, опасайтесь, говорит, очень и очень, потому что по всей видимости будет и забастовка воды.

Арсений Ильич. Да брось ты болтать. Евдокимовна! Говорят тебе – манифест. Что они просили – дали, и теперь забастовки прекратятся.

Евдокимовна (всплескивая руками). Дали? Это еще, как свет стоит, не бывало, чтоб бунтовщикам дали бунтовать. Натe, мол, пожалуйста.

Фима (вносит самовар). Дарья Евдокимовна, а поглядить, кажись воду в кувшине заперли.

Евдокимовна. Вот оно. Вот он манифест-то. (Фиме). А ты тоже, заперли, заперли... Дверь-то лучше запирай. На лестнице, на черной, торчишь с разными личностями. Больно бойка стала, бунтовщица!

Фима (обижаясь). Да что это, право, Дарья Евдокимовна, словами-то ругаетесь. С которых это пор бунтовщица да бунтовщица. Я и сама их смерть боюсь. Звали позавчера прислугу в 24 номер, митинка, что ли, какая-то, разговоры, мол, будут...

Евдокимовна (перебивая). Ну да, чтоб против подняться...

Фима. Так я пошла, что ли? Ну их совсем и с митинкой. Страсть и страсть (Уходит).

явление 2

Евдокимовна. Небось доиграются! Нонче, как уж сильно-то взбунтовало их, так Иван Корнеич говорил, на Загородном столько набили, сам он едва в ворота спрятался. Не более как два часа назад и пришел.

Наталья Павловна (взволнованно). Да ну, няня, можно ли такие пустяки? Опять тебе кто-то вздору наговорил. Ничего этого быть не могло. Вон звонят. Верно, Соня.

Евдокимовна. И то, кабы дал Бог, Сонюшка! У меня нынче, как вздумаю о Сонюшке, так ноги и подгибаются, так и подгибаются. А уж насчет Загородного – это как угодно. Это Иван Корнеич собственными глазами видел. Врать не будет.

явление 3

Наталья Павловна и Арсений Ильич.

Наталья Павловна. Правда, хоть бы Соня. Евдокимовна вечно со своими ужасами. И знаешь, что половину выдумает, а все же как-то беспокойно.

Входит генерал. Петр Петрович Львов, в походной форме, за ним Евдокимовна.

Мережковский Д. Маков цвет (драма в четырех действиях) filosoff.org
явление 4

Наталья Павловна. Пьерушка! Ты как попал?

Генерал. Евдокимовна, рюмку водки генералу и закусок каких-нибудь. Живо!

Евдокимовна. Сейчас, сейчас, батюшка (достаёт из буфета рюмку и запуску).

Генерал. Объезжал свой район. Был рядом в манеже. Вот и зашел. Два дня не видались.

Арсений Ильич. Ну, расскажи, что знаешь. Ведь мы сидим, никого не видим.

Евдокимовна (держит поднос с закуской). Кушайте на здоровье!

Генерал. Да что тут рассказывать. Никто ничего толком не знает. Вчера стреляли, а сегодня прячась, пусть красные флаги гуляют. Да и сегодня стреляли.

Наталья Павловна. Как, сегодня? Так правда стреляли?

Генерал. Да, у Технологического.

Евдокимовна. Говорила я вам, барыня, – старой дурой обозвали

(Уходит).

явление 5

Арсений Ильич. Чепуха какая-то. Ничего не разберешь.

Генерал. Ну, а дети что?

Арсений Ильич. Анята у нас все суетится. С детьми одной ей не справиться. Мальчишки взбунтовались. У Васи револьвер нашли. Черт знает что.

Генерал. Ну, а невеста?

Наталья Павловна. Да вот пропала. И она, и Андрей. Ждали обедать – не пришли. Соня-то радостная была сегодня, а за Андрея тревожно. Подумай, Пьерушка, давно ли он со своей Университетской Денницей возился, декадентские стихи писал... а теперь... Тяжело нынче с детьми. Что я могу дать им? Только молюсь за них, можно сказать, ежечасно. Уж скорей бы Бог помог Сониному свадьбу сыграть. Измучились они оба – и Соня, и Борис.

Генерал. Свадьба, свадьба! Я до сих пор с проклятой консисторией разделаться не могу. Прежде проще было, по тарифу. А теперь бессребрениками стали, опасаются. Да и некогда мне. Как собаку гоняют,

Арсений Ильич. А Борис что ж не хлопочет?

Генерал. Да где ему? Дни и ночи в охране. Вчера я взял, да и хватил письмо владыке. Ведь он уж месяц как обещал мне разрешение дать, а вот ничего.

Наталья Павловна. А Боря как? Ничего бодрый?

Генерал. Вот ты, Наташа, об Андрее говорила. А Боря? Помнишь, как на войну отправляли?[4] Все бросил, полетел.

Вот и война прошла. Вернулся, и еще женихом. А война-то его и подкосила.

Наталья Павловна. Ну, не подкосила, а задумчивый какой-то стал. Я это и на Соне замечаю. Господи, да что ж тут удивительного? Вместе ведь они с Соней Мукден[5] пережили. Я и теперь, как вспомню Сонины рассказы, просто дрожь и ужас. До чего только люди могли дойти!

Арсений Ильич. Решительно не везет Соне с Борисом. Уж, кажется, заслужила счастье (улыбается). Героиня ведь она у нас! Как мы боялись за нее – да не удерживать же насильно. Уехала; образцовая, говорят, сестра милосердия была. Удивительная у женщин устойчивость нерв. Но, однако, и довольно бы,

Мережковский Д. Маков цвет (драма в четырех действиях) filosoff.org
имеет, кажется, право о себе подумать.

Наталья Павловна. До поста-то все равно не успеть. А уж в январе непременно надо бы.

Арсений Ильич. Андрей нас очень беспокоит. Как только забастовка кончится, хотим его за границу отправить. Нечего ему здесь делать.

Наталья Павловна. Да, долго ли до беды. Он все время, как в лихорадке. Может быть там, в нормальной обстановке, хоть немного успокоится.

Арсений Ильич. С ним сладу нет. Ни он нас, ни мы его не понимаем. Я какого-нибудь Бланка в тысячу раз больше понимаю. Ну, социал-демократ – и социал-демократ. Тут хоть своя научность есть. А чего Андрей хочет – неизвестно. Не то романтизм, не то хулиганство.

Генерал. Что уж это ты только брюзжишь. Парень он у вас хороший.

(Пауза).

Наталья Павловна. Господи, как в этой темноте тоскливо. Когда же они забастовку кончат?

Входят Анна Арсеньевна и Евдокимовна.

явление 6

Евдокимовна. Уж нельзя без этого. Неровен час. И с крюком-то, и то нет никакого спокойствия. Придут шайкой и сорвут, очень просто.

Наталья Павловна. Это ты, Анюта? А мы думали Соня или Андрей.

Анна Арсеньевна. Что, пропали? Няня уже жаловалась. Дядя Петя. здравствуйте. Ну. с вами нигде не страшно. А вы представьте только, Евдокимовна меня пускать не хотела. Кричала, окликала, а потом как начала отмыкать болты... Давно это вы так запирались стали?

Арсений Ильич. Это все Евдокимовна крепость устроила.

Евдокимовна. Они нынче сквозь швейцара проходят. Что швейцар может сделать? Ничего им швейцар не может сделать. А крюк хоть и сорвут, так все не сразу.

Анна Арсеньевна. Пожалуй, и у нас лучше крюк прибить? А у нас швейцар такой глупый. Веселый какой-то и глупый. И вообще...

Наталья Павловна. Да пустяки. Анюта! Евдокимовна уже известная у нас. Какие там шайки будут ходить?

Арсений Ильич. И главное, две недели все болтала. А сегодня утром слышу стук, привела дворников и, действительно, навесила. Ради манифеста. Ей тут объявляют неприкосновенность личности, а она – крюк.

Евдокимовна (сердито). Вот ладно, теперь смеетесь, а как придут эти самые личности, так еще поблагодарите Евдокимовну за крюк (уходит).

явление 7

Анна Арсеньевна. Нет, право, мне как-то с нашим замком беспокойно стало. И швейцар невероятно, невероятно вялый. И вообще... Что же, Соня-то, у вас? Давно, что ли ушла? На демонстрацию? Ах, эти демонстрации! Что я пережила, вот и вчера, и третьего дня, и сегодня...

Наталья Павловна (беспокойно). Сегодня? Ты была где-нибудь?

Анна Арсеньевна. Нигде я, решительно нигде не была, и это все Шура. Взяла с него честное слово, что нынче дома останется. И вся дрожу, потому что Вася тоже дома. Непременно они опять передерутся. И все из-за убеждений. И вообще...

Арсений Ильич. По четырнадцать лет мальчишкам, с убеждениями их не справишься.

Анна Арсеньевна. И откуда? Что такое? Близнецы, вместе росли, в одной гимназии учились, – и вдруг... видеть друг друга не могут. Оба крайние! Представить только: Шура революционер, а Вася монархист. Ужас, ужас! Я уж решила, за границу их увезу, в Англию. Это мой долг. И вообще...

Генерал. Ну и долг материнский нынче! Из сыновей англичан делать.

Анна Арсеньевна. А вы злой, дядя, злой! Вам что? У вас все отлично устраивается. Боря отличный, женится в своей же семье, на такой девушке, как Соня... Не революционер... Вам только радоваться на детей, и вообще... Мне и самой на Соню с Борисом глядеть приятно. Так любят друг друга!

Арсений Ильич. Глядеть-то не на что пока, и Борис давно заезжал, да и Сони все нет. То одна, то с Андреем уходит.

Наталья Павловна. Вот она! Слава Богу!

Явление 8

Те же и Соня с Бланком.

Соня. Ну что? Беспokoились? А я по улицам ходила. Сначала одна, а на Казанской площади Иосифа Иосифовича увидела. Ораторствовал. Меня даже не узнал. Властвовал над толпой. Где уж тут мелкую бумажку приметить? А что, Андрея нет?

Наталья Павловна. Все еще нет. Боюсь я за него.

Соня. Ничего, мамочка, придет. Уж не знаю, что дальше будет, а сегодня хорошо. И погода-то какая была! Первый светлый день. Радостно. Просто не верится. Целый лес красных знамен и никаких войск. Городовые знаменам честь отдают.

Евдокимовна. Знаем честь-то эту. На Загородном отдали. Палили, палили...

Соня. Ах, няня, не скули. Дядя, ну, а Боря что, здоров? До университета было не добраться. На балконе ораторы, флаги висят.

Генерал. Боря все в охране.

Бланк. А кто-то ухитрился влезть на крышу и привязать красный флаг прямо к кресту.

Наталья Павловна. Как, к кресту?

Соня. Устала я очень, а то бы еще ходила. Кажется, мимо нас скоро пойдут. В предварилку. Хотят политических освободить. Хороший день!

Наталья Павловна. А мне на тебя смотреть весело. Соня милая. Ты сегодня одна из всех нас простая, светлая. Я девочкой пережила такой день, 19 февраля. [6] Помнишь, Пьерушка?

Генерал. Ну, много мы понимали тогда, что делалось.

Наталья Павловна. Праздник-то чувствовали. Святость какую-то. Теперь я старуха, а этот светлый день никогда не забуду. Вот и нынче день святой, день свободы, а на душе как-то тяжело. Город темный, мертвый, тут стреляют, там стреляют. Страшно.

Бланк. Да, радоваться-то еще рано.

Арсений Ильич. Ну, перестаньте каркать. Я, по крайней мере, радуюсь.

Наталья Павловна. Евдокимовна, вели самовар разогреть. Иосиф Иосифович, Соня, проголодались?

Мережковский Д. Маков цвет (драма в четырех действиях) filosofff.org
Арсений Ильич. Всего вам, Бланк, мало. До чего мы все нежизненны и утопичны.

Бланк. Да я вовсе вам не мешаю радоваться. Радоваться никогда не вредно. И день, что ж? День свое значение имеет.

Генерал. Ну-с, я иду. Пора. Заморил червячка. Ведь мне сегодня и пообедать не дали.

Соня. Прощайте, дядечка. Борю поцелуйте.

Генерал. Вот даст Бог, забастовка проклятая кончится, так посвободнее ему будет. Прибежит.

Наталья Павловна. Господь с тобой, Пьерушка, не забывай нас. (Идет с генералом в переднюю).

явление 9

Бланк. А мне сдается, Софья Арсеньевна, жениха-то не так скоро увидите. Забастовка еще не завтра кончится. Час не пробил. Рано еще пролетариату руки складывать.

Арсений Ильич (спокойно). Скажите пожалуйста! Рано! Чего же еще? Ну, до манифеста, я еще понимаю, я, так сказать, допускаю все эти забастовки; но позвольте, какой же смысл теперь? Уж не говоря о том, что я в принципе враг всякого насилия, откуда бы оно не исходило... А забастовка...

Бланк. В принципе вы еще не допускаете никогда, а на практике – до манифеста. Так?

Арсений Ильич. Да, да и да. Вы отлично понимаете, что я хочу сказать. А я отлично понимаю, что вы все нас толкаете, так сказать, на анархию.

Бланк. И при чем тут анархия? А что вам, как и всей буржуазии, много не нужно, – это правда. Пролетариат вытащил вам каштаны из огня, а теперь пусть идет в старую дыру? Ну, не на таковских напали...

Анна Арсеньевна. Опять ссоры и споры. Как эта политика надоела!

Соня. Знаешь, Аня, я прежде сама так думала. А вот на войне увидела, что значит политика, когда из-за этой самой политики люди зря умирали.

Входит Наталья Павловна.

явление 10

Наталья Павловна. А Андрея-то все нет как нет.

Анна Арсеньевна. Как хотите, я иду. Домой надо. Что-то мои буяны делают, и вообще...

Наталья Павловна. Иосиф Иосифович, он вам ничего не говорил? Вы не знаете, что он сегодня делает?

Бланк. Решительно ничего не знаю. Я его со вчерашнего дня не видел. Мне самому его нужно до зарезу.

Арсений Ильич. Мы с женой думаем Андрея за границу отправить. Что вы на это скажете, Иосиф Иосифович?

Бланк. Отлично сделаете. Уж очень он запсихопатил.

Арсений Ильич. У него есть способности. Ну, если его социалистический вопрос так занимает, пусть поедет на Запад, поучится. Здесь он допрыгается до чего-нибудь. И как это вы все понять не хотите, что без науки двинуться никуда нельзя. Молодежи прежде всего учиться надо. Ведь если такое положение дел продлится еще несколько лет – Россия станет прямо варварской страной. Теперь всякий гимназист вместо экзаменов политикой занимается. Политика – дело людей взрослых, уравновешенных...

Бланк. Так, чем молодежь-то виновата, что взрослые сложа руки сидят? Ну, да не в этом дело. А насчет Андрея я с вами согласен. Он легко может зря погибнуть, без всякой пользы для дела. В нем сидит неискоренимый декадент-романтик, революционерство старого пошиба. Чисто русская черта. Никакой выдержки. Все хотят сразу, усилием героев. Какой-то обратный аристократизм. Теперь дело не за героями, а за массой. Нужна дисциплина, повседневная черновая работа. Андрей все-таки барчук и романтик.

Соня. Сложно все это. Мне трудно разобраться. А только Андрея я понимаю. Без порыва, без веры в себя ничего не сделаешь. Себя потеряешь – начнутся будни, серые будни. Андрей человек праздничный. Да и вся Россия из будней теперь вышла.

Арсений Ильич. Нет, Бланк прав. Я с ним во многом не согласен, но мне ясна его мысль, схема. У него, по крайней мере, все на ногах держится. Он признает культурную работу, путь подготовительной организации. У него есть своя философия истории. А у Андрея революционный угар. когда человек не владеет собой, сам не знает, чего хочет.

Соня. Ах, папа, папа! Пускай он хочет того, чего нет на свете. Ведь в этом-то и святость человека, вся его внутренняя правда.

Бланк. Красиво, Софья Арсеньевна, только силы в этой красоте мало. Гораздо легче совершить геройский поступок, чтоб весь мир ахнул, пожертвовать собой и погибнуть, чем исподволь, изо дня в день, добиваться далекой цели. Русские умирать умеют, а жить... жить еще не научились. Андрей или на баррикады пойдет, или впадет в тупое равнодушие. Середины нет.

Соня. Да не вынесет русская душа никакой середины!

Бланк. Ну вот, вот, я ж это и говорю. А вся история-то, может быть, и есть середина!

явление 11

Андрей, из другой комнаты Евдокимовна.

Соня. Андрей! Смотрите, мама! Вот он. Мы и звонка не слышали.

Евдокимовна. Да это он по черному ходу. Батюшки святители! Да кто им отворил-то?

Андрей. Никто не открывал. Там отперто.

Евдокимовна. Фимка-то. Фимка-то где? Господи-батюшки, в гроб с этой девкой сойти. Ну уж я ее, со дна морского выищу!

Наталья Павловна. Постой, няня, погоди, дай лучше Андрей Арсеньевичу поесть чего-нибудь. Ты ведь закусишь, Андрюша?

Андрей (садясь за стол). Да, я проголодался.

Анна Арсеньевна. Ну, слава Богу. Нашлось нещечко. Теперь я иду.

Андрей (Бланку). Ты здесь. Мне тебя надо.

Бланк. И мне тебя. Зайди ко мне завтра утром.

Андрей. Да ты что, уходишь? Посиди немножко.

Бланк. Нет, пойду. А мы тут тебя ругали. Романтик ты и больше ничего.

Андрей. Ну, знаем мы это. Старая песня. Надоело.

Бланк. Опять в психопатии?

Андрей. Нисколько не в психопатии, а от твоей «благоразумной разумности» душу воротит.

Мережковский Д. Маков цвет (драма в четырех действиях) filosoff.org
Бланк. Эх ты, юнец!

Анна Арсеньевна (к Бланку). Вы к Невскому? Пойдемте вместе. Ну, прощайте, до свидания. Прощай, Евдокимовна.

Евдокимовна. Прощай, матушка. А с детками-то ты поостроже (уходит, разговаривая). Нынче пошла мода родителей ни во что не ставить...

явление 12

Соня (кричит вслед). Анюта, я к тебе завтра зайду. (Андрею). А я, Андрей, тоже только что вернулась. Думала я тебя где-нибудь встретить.

Андрей. А я на улицах не был.

Арсений Ильич. Не был? А вот Соня говорит, что именно улицы представляют собой необычайное зрелище.

Андрей. Да. Не знаю.

Арсений Ильич. Что ж, ты не признаешь манифеста? Я только что говорил, что я лично враг всякого насилия, откуда бы оно не исходило, но за этот день я готов простить...

Андрей. Ах, папа, бросьте эту риторику.

Наталья Павловна. Все-то ты, Андрюша, сердисься. Укроти свое сердце.

Андрей. Да не сержусь я вовсе. Только, право, сейчас не до папиных сентиментальностей.

Наталья Павловна (целует его). Мальчик мой ненаглядный, милый ты мой сынок. (Опять целует). Мы на то и старики, чтобы быть сентиментальными.

Арсений Ильич. Не понимаю я тебя, Андрей...

Андрей. Да что я вам дался? Оставьте меня в покое!

Арсений Ильич. Ну, этот тон ты брось. С отцом разговариваешь...

Андрей. При чем тут отец! Ведь не о семейных делах говорим!

Соня. Ну, Андрей. Довольно.

Андрей. Слушаюсь, Софья Арсеньевна. Так вы, значит, наслаждались необыкновенным зрелищем? Что ж? Может быть жениха где-нибудь встретили? На коне гарцевал? Впрочем, что я говорю, ведь они сегодня в подворотню спрятались, герои порт-артурские...[7]

Соня. Андрей, это гадко, что ты говоришь. Гадкая злоба!

Арсений Ильич (к Андрею). Я тебе запрещаю говорить в таком тоне!

Соня. Ничего, папа. Пусть, пусть...

Андрей. Оскорбленная добродетель? Да я ведь ничего...

Наталья Павловна. Ты, Андрюша, отлично знаешь Бориса. Знаешь, какой он человек. К чему издеваться? Соню хоть пожалей.

Арсений Ильич. Бестактность какая!

Соня. Да оставьте. Не хочу я его жалости! Я и без Андрея знаю все, что мне нужно знать.

Андрей. Уж будто бы? Так все отлично знаешь? А когда полковой дамой будешь, меня на журфику позови. Все-таки лестно.

Арсений Ильич. Да замолчишь ты когда-нибудь?

Соня (серьезно). Андрей, я не признаю за тобой права судить Бориса. У тебя

Мережковский Д. Маков цвет (драма в четырех действиях) filosofff.org
этого права еще нет. Твою грубость я тебе прощаю, хоть ты мне больно
сделал, очень... А права судить, кто в чем виноват – у тебя – все-таки нет.

Андрей. Ну, да, да, никто не виноват. Нет виноватых... Знаем мы это...

явление 13

Те же и Евдокимовна.

Евдокимовна (торопливо вбегая). Слышите, гул-то какой! По нашей улице так
прямо и катнуло их. Силища народу! Песни свои эти орут, на Шпалерную, к
тюрьме.[8] От окон-то подальше извольте, не ровен час!

Наталья Павловна. Кто? Где? Что ты, няня?

Соня. Нет, правда. Слышите? Это, должно быть, идут на Шпалерную. Это
ничего, няня, не бойся!

Арсений Ильич. Да откуда они, с Невского?

Все, кроме Андрея, встали с мест, Соня идет к окнам.

Евдокимовна. Матушка, Сонюшка, да к окнам не подходите! Ведь запалят! Ведь
бунтовщики это идут!

Соня открывает окно. В комнату врывается растущий гул, как бы далекие крики
или пение, и топот. Стука колес не слышно. Последний разговор заглушен
растущим гулом. Когда он усиливается – за окнами мелькают красные флаги.

Арсений Ильич. Действительно... Это очень интересно... Надо только пальто
накинуть.

Выходит.

явление 14

Евдокимовна. Батюшка, барин, да ведь силища прет! Да прикажите вы Софье
Арсеньевне окно-то закрыть! Сами простудитесь и квартиру настудите.

Соня. Молчи ты, ради Бога. Мама, накиньте плед (подает). Отлично все будет
видно. Слышите? Вот уж мальчишки бегут... Андрей, что ж ты сидишь? Отвори
другое окно... Оттуда маме виднее...

Андрей медленно встает, отворяет второе окно, затем отходит. Гул
усиливается. Входит Арсений Ильич в шубе и идет ко второму окну, где
Наталья Павловна. Андрей стоит немного позади.

явление 15

Евдокимовна. Безобразие какое! Окна еще открыли. Бунт страшный, а тут еще
глядеть! Да ведь разве ж допустят? Да ведь тут как налетят казаки, так ведь
тут такое пойдет, Софья Арсеньевна!

Соня (оборачиваясь). Ах, няня, иди лучше сюда. Иди сюда! (берет ее за плечи
и почти насильно тянет к окну). Ну, гляди, никто на них не налетает, потому
что вовсе они не бунтовщики. Всем свободу дали...

Евдокимовна. Это свободу-то... этаким толпой... по улицам... тюрьму ломать?..
Никогда этого не будет, пока свет стоит, чтоб свободу давали... Угомонят.

Соня. Ворчи сколько угодно, а вот дали!

Гул усиливается.

Евдокимовна. Господи! флаги-то, флаги, словно мачты, черные! Страсти Господни! Черные-пречерные!

Соня. Да какие там черные, разве не видишь – красные?

Андрей (задумавшись, как бы про себя).

В голубые, священные дни
Распускаются красные маки...
Соня (оборачивается). Что?

Андрей. Ничего (помолчав, продолжает).

Здесь и там лепестки их – огни
Подают нам тревожные знаки...
Евдокимовна. Ой, и то красные! Ой, страсти, красные! Гул слегка затихает.

Соня. Ну что, налетели солдаты? Мама! (Оборачивается к ним, но они не слышат. Андрей, стоящий поодаль, взглядывает на нее молча). Андрюша, ты видел? Посмотри, кажется, другая толпа идет? Нет?

Андрей (отходит к столу). Брось любоваться, это не спектакль.

Соня. Ах, Андрей... (к няньке). Няня, что с тобой? Чего ты?

Евдокимовна (заливаясь слезами, махая руками, причитает). Победили они, окаянные, звери, супостаты! Кончилось житее православное! Отступил Господь, отступил – попустил, предал нас на посмеяние! Не заживать бы мне, старой, чужого века, не доживать бы до проклятого дня...

Наталья Павловна (отходит от окна, которое закрывает Арсений Ильич). Няня, няня, что ты? как тебе не грех, сумасшедшая ты!

Евдокимовна (не слушая). Пропали головушки наши!

Соня. Пойдем, няня, успокойся!

Уходят.

явление 16

Арсений Ильич (снимая шубу). Давно бы ее увести, эту дуру старую. Пойдет теперь причитать. Какая-то ограниченная, так сказать, черносотенка. Нет, зрелище в самом деле грандиозное. Что может быть отраднее этого молодого энтузиазма!

Андрей. Какие ужасные вещи вы говорите, папа!

Арсений Ильич. Отчего ужасные?

Андрей. А то, что мне стыдно за вас. Это вовсе не зрелище для развлечения буржуа. Вы не понимаете, что это гнусность, – любоваться из окна красными флагами. Ведь красные-то они от крови. Манифестанты эти, не дойдя до Шпалерной, могут быть расстреляны, и тогда не только флаги, мостовая будет красная.

Входит Соня.

явление 17

Наталья Павловна. Ну, что старая?

Соня. Ничего, успокоилась немножко.

Арсений Ильич. Андрей, нельзя быть в постоянной истерике. Что с тобой делается? Не беспокойся, не тронут их.

Мережковский Д. Маков цвет (драма в четырех действиях) filosoff.org
Андрей. Ну, бросим. Не до споров и разговоров. Вот что. Я уйду.

Наталья Павловна. Куда ты?

Андрей. Я переезжаю к одному товарищу, а там при первой возможности уеду в Москву.

Арсений Ильич. Зачем?

Андрей. По делу. Да я через несколько времени вернусь.

Соня. Отчего ты виляешь? Ты мне вчера совсем иначе говорил?

Наталья Павловна. Что он тебе говорил?

Соня. Говорил, что он от нас хочет совсем уйти, что мы ему мешаем.

Андрей. Соня вечно преувеличивает. Если бы я знал, что она поднимет крик...

Соня. Нисколько не крик, а я нахожу, что если ты мне говорил, то должен сказать и всем.

Арсений Иванович. Андрей, что такое? Не понимаю...

Андрей. Да ничего. Я действительно сказал Соне, что совместная жизнь с некоторого времени для меня лично сделалась неудобной, и я, может быть, предпочту, ради больше свободы взаимных отношений...

Наталья Павловна. Ты хочешь отдельно поселиться?

Арсений Ильич. Нет., я все-таки ничего не понимаю. Потрудись сказать толком. Это чрезвычайно интересно. Какие же твои планы?

Андрей (с раздражением). Интересно или нет, но больше того, что я сказал, мне говорить нечего. Это мое личное дело.

Соня. И все-таки сердиться незачем.

Арсений Ильич. Пускай, пускай... Ведь это его дела... (Вдруг растерянно). Нет, Андрей, да как же это? Мы ничего не подозревали... Мы думали напротив... То есть не напротив, а... Ты скажи просто. Ну, потолкуем...

Соня. Конечно, конечно. В сущности это просто. Хочет переезжать, ну и пусть. Свобода прежде всего.

Арсений Ильич. Соня, не замазывай. Я требую, Андрей, слышишь, требую, чтобы ты сейчас сказал, для чего и куда ты уезжаешь.

Андрей. Я не могу.

Арсений Ильич. А тогда я тебя не могу пустить. Это безумие. И знай, я приму свои меры.

Андрей. Какие это меры, позвольте вас спросить?

Арсений Ильич. А это уж мое дело. Я предпочитаю, чтоб тебя заперли сейчас, чем когда будет уже поздно... Ну, да это все не то... Ты приди в себя. Выслушай, что я тебе скажу. Мы с Наташей думаем, не лучше ли тебе за границу поехать? Ведь совсем развинулся. Поезжай, куда хочешь. Я тебе обещаю полную свободу. Только займись чем-нибудь. Твоя жизнь впереди. Вот веришь в революцию, так ведь после революции образованные люди еще нужнее будут.

Андрей. Я, за границу? За границу теперь? Папа, да что вы говорите. Теперь, когда каждый человек так дорог, я уеду, как какой-то пай-мальчик, науками заниматься? Чтоб родительское сердце утешить? Хорошо вы меня знаете, нечего сказать! Да, я уеду от вас, конечно уеду, только не за границу.

Арсений Ильич. Что, что? Ты опять?

Андрей. Я уж сказал вам, и это кончено.

Арсений Ильич. Что ты делаешь? (Плаксиво). Андрей, милый, не бросай ты нас так! Ведь мы же тебя ни в чем не стесняли. Ну, разве мы тебя стесняли?

Андрей. Не стесняли? Молчите, пожалуйста. Да вы по рукам и ногам вяжете! Волю убиваете! С вами остаться это – на нет сойти. Разговоры, разговоры, легкомыслие невероятное, рассеянность, распушенность, яд какой-то подлый! Он сознание темнит, душит волю. Кисляи, сентиментальные болтуны. Трупом от вас пахнет. Я хочу на воздух, на улицу, хочу к тем, кто властно идет на смену вам, беспомощным. Я к сильным хочу – буду с ними, хотя бы жизнь пришлось отдать! Довольно мне вашей тупой лжи! Не надо, не надо, довольно!

Соня. Андрей, Андрей, как ты нас оскорбляешь!

Андрей. Я не оскорбляю, – вся русская история, вся история мира вас оскорбляет! Соня, а ты? Как ты можешь мириться, как ты можешь жить в этой духоте, в этом семейном хлеву! Я думал, ты другая вернешься... оттуда, а ты еще покорнее стала. Любовь к Борису тебя сгубила. Все ему прощаешь, то, чего человеку простить нельзя! О счастливом браке мечтаешь, как бы и свою безличную микву[9] завести... Соня, да разве ты не чувствуешь, что кто в эту микву попадет, тому крышка? И ведь чувствуешь же ты, что она все равно разваливается, уже наполовину развалилась? Кому, чему приносишь себя в жертву? Брось их, Соня. Ты ведь не любишь больше Бориса, не можешь ты любить этого своего героя порт-артурского! И не высидеть тебе все равно за семейным чайным столом, где добрые профессора отдыхают с покорными детьми после лекций в автономном университете, где только одно желание, – как бы все по-хорошему да по старинке. Слышишь, Соня... слышишь?

Арсений Ильич. Соня, не слушай! Хулиганство это! И кто тебя поставил судьей нам? Как ты смеешь судить – отца?

Андрей. Этого-то вы и боитесь! Ведь вы даже не на мою правду негодуете, вы дрожите от возмущения, что я, сын, говорю правду отцу. Разве я человек для вас? Я раб, я сын! Но помните: как человек говорю я вам человеческую правду в глаза, как человек я презираю вас с вашими спокойными кафедрами, с вашими хорошими словами, со всеми вашими семейными добродетелями, со всем вашим благополучным благородством!..

Арсений Ильич. Молчать! Вон, вон из моего дома!

Андрей. Я и сам уйду (идет к двери).

Наталья Павловна. Андрюша...

Андрей возвращается, молча целует мать и уходит. Долгая пауза. Арсений Ильич беспомощно опускается в кресло. Соня ластится к нему.

Арсений Ильич. Наташа, ведь это ничего? Он вернется? Ну, конечно, вернется. Ведь должен же он вернуться? Наташа? Ну, что ж ты молчишь? Вернется?

Наталья Павловна. Нет, Арсений, он не вернется.

Действие второе

Действующие лица:

Арсений Ильич.

Соня.

Бланк.

Евдокимовна.

Петр Петрович Львов.

Борис – сын его, поручик гвардейского полка. Нервный, озабоченно-растерянный.

Мережковский Д. Маков цвет (драма в четырех действиях) filosofff.org
Доктор Чижов – военный врач, подчиненный Львова. Выхоленный, самодовольный.

Котков – военный фельдшер.

Дорофеев – денщик. В генеральском сюртуке, без погон и светлых пуговиц.

Денщики – вестовые.

Казенная квартира генерала Львова в Петербурге. Мало жилая комната, не то одна из гостиных, не то читальня. Утро. На столе лекарства, вообще склад лечебных вещей, которые не хотят держать в комнате больного. Налево дверь в комнату, где лежит Андрей. Перед дверью ширма.

Явление 1

Соня, затем денщик Дорофеев.

Соня (выходит из комнаты больного, в белом фартуке; голова повязана белым платком, как у сестры милосердия. Копышится у стола. Смотрит спиртовую лампочку. Звонит в электрический звонок. Приходит денщик). Принесите спирту (Приготавливает шприц. Денщик возвращается со спиртом). Генерал дома?

Денщик. Так точно.

Соня. У него есть кто-нибудь?

Денщик. Полковник Павловский с докладом.

Соня. Давно?

Денщик. Да уж с полчаса.

Соня. Вот что, Дорофеев. Как только приедет доктор, доложите генералу.

Денщик. Слушаюсь.

Уходит. Соня идет к больному. Некоторое время сцена пуста. Входит Бланк.

Явление 2

Бланк (ходит взад и вперед по комнате. Останавливается у дверей больного, прислушивается. Наконец стучит в дверь. Оттуда голос Сони: «Сейчас», затем выходит Соня). Ну что, как?

Соня. Плохо. Страшный упадок сил, А доктор нейдет. Да ничего он сделать не может.

Бланк. В памяти?

Соня. Всю ночь не спал. Сказал, что хочет видеть папу и маму. С тех пор, как вчера утром привезли, только и беспокоился, как бы они не узнали. Все шутил, говорил, что нынешние пули не ядовитые. А ночью сразу перемена.

Бланк. А доктор что говорит?

Соня. Да я уж знаю. Вижу, что плохо. Ведь столько раненых на моих руках перебивало.

Бланк. Я всегда этого боялся, Софья Арсеньевна. Это легко было предвидеть. С тех пор, как он от вас уехал, ясно было, что может этим кончиться. Тяжело очень, но у вас есть мужество, я уверен, что вы и не то еще перенесете.

Соня. Мы с вами много говорили об Андрее, чуяли беду, но ведь от этого не легче.

Бланк. Я любил Андрея... Сила-то какая безрезультатно гибнет... Эх. просто сдерживаться трудно иногда, негодование так и подступает... Ну... надо владеть собою.

Соня. Вы говорите... безрезультатно... какое жестокое слово! Если уж Андрей погиб даром...

Бланк (живо). Я этого не говорил... Он погиб даром в том смысле, что не успел сделать всего, что мог бы...

Соня. Все равно. Но если Андрей не то сделал, то мы-то, ничего не делающие, глядящие на это, мы-то что? Да как мы смеем? Боже мой!.. Боже мой!.. Бланк, мне кажется иногда, что я с ума схожу. И теперь здесь, этот умирающий... Он мне говорил в последний раз... Я помню, помню... звал меня... Ну, я не пошла... у себя осталась. А Борис не остался. Тоже поехал, туда же, куда Андрей... Только Борис, только Борис... вы понимаете?

Бланк. Я-то понимаю, а вот вы еще недавно этого не понимали. А уж раз поняли, так здесь не останетесь. Может быть, и не совсем туда уйдете, куда вас Андрей звал, туда, может быть, и не надо. Там много истерики, много романтизма... Здесь-то, во всяком случае, не останетесь. Андрей вам не простил бы этого.

Соня. Да, да, не простил бы. Милый, светлый... Трудно мне, Бланк, не оставляйте меня.

Бланк. Возьмите себя в руки. Не надо нерв теперь. А что Андрей вот здесь-то оказался... Это действительно... фальшь какая-то.

Соня. Ложь это, ложь страшная! Ну, я не буду, вы правы, надо быть спокойнее. Надо с твердостью. (Помолчал). Идемте к нему.

Уходят к больному.

явление 3

Доктор. Это бывает. Ведь когда стреляют, об асептике не думают. Хотя нынешние пули, благодаря никелевой оболочке, дают рану довольно чистую, не рваную, а все-таки ни за что ручаться нельзя. Да у него и верхушка легкого задета.

Генерал. Мое-то положеньице. Чижик, дорогой, каково? Ведь он слово с Бориса взял, чтоб ничего матери не говорить. Вот уж сутки он у нас, а ни сестра, ни Арсений Ильич ничего не знают. Соня им что-то наврала, сказала, что у подруги в Царском.

Доктор. Так-с. А скажите, ваше превосходительство, ему первую повязку скоро наложили?

Генерал. Где уж! Сын сам видел, как он упал. Да пока извозчика добыл, пока что, пока доктор приехал, часов шесть добрых и прошло.

Доктор. Так-с. Еще счастливая случайность, что Борис Петрович сразу узнал кузена. Так-с. Ну, поглядим. Вчера он был хорош, и температура невысокая. Не следовало его привозить только, лучше бы в Москве оставили. Переезд ему пользы не принес.

Генерал. Ну что ж теперь говорить. Умолял Бориса. На Пресне это было. Тоже и Бориса-то положение неудобное. К себе повез, а вечером сюда. Да ведь с какими трудами. Со служебным поездом, поезда ведь не ходят. Спасибо полковому командиру. Ради сестры все устроил.

Доктор (дискретно смеется). Да, все же как-никак офицер бунтовщика вез. Ну, да дело тут кровное... Только вот, ваше превосходительство, не знаю как еще обернется, первая повязка иной раз весь роман... нельзя ли нам Софью Арсеньевну вызвать?

Генерал. Что? Вы думаете, плохо? Мы сейчас ее (идет к двери, но Соня выходит).

явление 4

Доктор. Ну, как дела? Я сейчас, вот только обогреюсь, а то я с холоду.

Соня (генералу). Дядя, он хочет, чтоб дали знать... Чтобы папа с мамой приехали.

Доктор. Вы инъекцию сделали? Пульс какой?

Соня. Плохой. Зайдите к нему.

Генерал. Хочет? А как ему?

Соня (доктору). Пойдемте.

Явление 5

Борис. Андрею хуже?

Генерал. Да вот. Чижик пошел... Говорит, не следовало привозить из Москвы. А главное, сегодня сам отца с матерью пожелал...

Борис. Пожелал? Как же это? Значит, предупредить надо? Что это, Господи? Да неужели умирает?

Генерал. Постой, погоди. Сейчас вот Чижик... и Соничка выйдет.

Борис. А Соня что? И кто там? Бланк этот там?

Генерал. Не знаю я, должно быть, там.

Борис. Вы думаете, папа, – умрет?

Генерал. Да отвяжись ты! Ничего я не знаю!

Борис. Я вез его, папа, я тоже ничего не думал. То есть, не то что умрет или не умрет, а что это так все ужасно выйдет. Я даже объяснить не могу, но вы сами, папа, должны чувствовать...

Генерал. Да про что ты?

Борис. А про то, что, кажется, я достаточно видел Соню сестрой милосердия, и вместе мы тогда были, а теперь она точно пленная, в неприятельском лагере за своими пленными ухаживает...

Генерал. Да какая же она пленная?

Борис. Ну, нелепость какая-то выходит, и я говорю нелепость. А теперь еще умрет Андрей... Разве мы тут виноваты? Что же мне, не подбирать его было? Не привозить? Да уж если так, если кого-нибудь обвинят...

Генерал. Никто никого, дружок мой, не обвиняет. Все виноваты. Ты успокойся. Соне тяжело. А чья где вина – не нам разбирать...

Борис. Не нам? А кому же? Ну, в Мукдене война, ужасы... Ну, там не до разборок, а просто мы все тупым безумием обезумели. Сумасшедшие много могут вынести: больше здоровых. И отлично. А теперь ведь не Мукден... Не обезуметь же?

Генерал. Я под Мукденом не был, а что тут у нас почище Мукдена завелось – это иной раз и придет в голову. Пустяков я этих о безумии знать не хочу, а поменьше рассуждать бы следовало бы. Все равно ни до чего не дорассуждаешься.

Борис. Нет, я не могу. Пусть она мне лучше прямо скажет, что думает...

Генерал. Да ничего она не думает. Не до того, тут брата спасать надо. Да и кто тут кого понимает? На то уж пошло, что никто не знает, куда ему кинуться. Вот все Япония, Япония. А тут, брат, без всякой Японии одна Россия, не Россия, а вулкан какой-то, ну, и пляши, правой ли, левой ли ногой, после разберут.

Борис. Нет, Соня должна понять, как мне тяжело.

Мережковский Д. Маков цвет (драма в четырех действиях) filosofff.org
Генерал. Да говорят тебе, не до того ей! Тут я раздумываю, как наших предупредить, а ты все Соня, да Соня. Объяснялись бы раньше. Ведь не моя она невеста, твоя.

Явление 6

Входит Доктор.

Генерал. Что, есть надежда?

Доктор. Да как сказать, головы терять нечего. У меня был такой случай в полку. Помните, ваше превосходительство, дуэль графа Зарайского? Я на телефон. Надо фельдшера вызвать. Кислороду добудем, мускусу, главное поддержать силы.

Уходит.

явление 7

Генерал. Боря, а я поеду. Что же Соня? Надо бы посоветоваться, обрисовать положение.

Входит Соня.

явление 8

Соня. Как, доктор уже ушел?

Борис. Нет, он у телефона.

Генерал. Так что ж, Соня, мне ехать?

Соня. Да, дядичка, конечно, и скорей, сейчас же.

Генерал. Голубчики, надо обсудить. Репетичку сделать, как говорить. Я уже не знаю, Боря, не ехать ли тебе со мной? Как объяснить, что Соня у нас ночевала, а мы ничего не говорили?

Соня. Нет. Боре лучше не ехать. Маме вы прямо скажите, все как есть. Она поймет. А вот за папу я боюсь, вы с ним поосторожней.

Входит Доктор.

явление 9

Доктор. Сейчас все будет. Софья Арсеньевна, вы уж мне помогите. Надо действовать энергично.

Соня. Ах, доктор! К чему теперь ваша энергия? Ведь ясно ж, что конец. У меня в Мукдене на руках умер один солдатик. Совсем так. Теперь не в ваших мускусах дело, а в том, чтобы он умер, как следует.

Доктор. Ну, что вы, погодите еще хоронить.

Уходит к больному.

явление 10

Соня. Ну, дядя, поезжайте.

Входит денщик.

явление 11

Денщик. Ваше превосходительство! Вас к телефону требуют!

Генерал. Ах, Господи Господи! Ведь мне же ехать надо. Вот что, Дорофеев. Вызовите сейчас же ко мне генерала Андреева. А со штабом я потом сам поговорю. Живо! Чего стоишь, дубина! Ну, до свидания, милые. Соня, поцелуй меня. Христос с тобой, ненаглядная. Чижика не отпускайте. Боря, ты за Соней присмотри. Ну. Господи благослови, Господи благослови, Господи благослови! (Три раза крестится и уходит).

явление 12

Борис. Значит, он умрет?

Соня. Да.

Борис. Ну, зачем это, к чему это? Знаешь, Соня, под Мукденом лучше было. Мы были там не виноваты. Да и японцы, хоть люди, человеки, а все-таки враги. Понимаешь Соня, понимаешь, я не могу так. Помнишь, когда мы вернулись, мы на что-то надеялись. Думали, что все эти ужасы впрок не пойдут. Начали о своем счастье думать. Думали, право имеем, заслужили. И вот, все спуталось. Что же, может быть, не заслужили, Соня, это кошмар какой-то.

Соня (с усилием). Борис, оставь меня. Оставь разговоры. Андрей умирает. Я не могу, не желаю думать о нас с тобою. Прошу без надрывов. Я хочу тишины. Имею я право хоть тишины от тебя требовать!

Входит фельдшер с подушкой кислорода и пакетами.

явление 13

фельдшер. Меня господин доктор Чижов вызывали.

Соня. Да, да, Котков. Мы вас ждем.

фельдшер. Так что, Андрею Арсеньевичу хуже?

Соня. Да, плохо, очень плохо.

Идет с фельдшером к больному. Борис остается некоторое время один. От больного выходит Бланк.

явление 14

Борис и Бланк

Борис. А, это вы. Можно к Андрею?

Бланк. Подождите лучше. Вот Софья Арсеньевна выйдет ее спросите.

Борис. Он говорил о чем-нибудь с вами?

Бланк. Мало, все больше молчит.

Борис. Нет? А обо мне говорил?

Бланк. Не говорил. (Молчание).

Борис. Я все-таки пойду к нему.

Бланк. Как хотите. Только его лишний народ тревожит. Кроме того...

Борис. Что?

Бланк. Ах, да поймите сами! Ведь тяжело же ему видеть военный мундир...

Борис. Мундир? Это еще что? Кажется, я...

Бланк. Да вы не волнуйтесь. Положение фальшивое, – глаз закрывать нечего. Но будем же сохранять уважение к тому, что происходит. Софья Арсеньевна...

Борис. Что Софья Арсеньевна? Это кто, вы или она находит, что я не сохраняю какого-то уважения. Что я не должен видеть брата умирающего, что, наконец, я...

Бланк. Да это здравый смысл вам должен самому подсказать! А вы, я вижу, в своем роде тоже романтик. Не поздравляю вас. Впрочем, я параллелей не провожу. Чем бы вы там ни были, это ваше дело, мне-то что!

Борис. Послушайте. Я хотел... Вы, кажется, не злой и не глупый человек...

Бланк. Благодарю вас.

Борис. Я ваших намерений не знаю... Я вас совсем почти не знаю. Но я вас прошу объяснить мне...

Бланк. Ничего я объяснять не стану, причем какие-то мои «намерения» не понимаю, так все просто, а вы требуете, чтобы я вдавался с вами в какие-то психологии. Говорите с Софьей Арсеньевной, если вам что-нибудь еще непонятно. Думаю, однако, и ей не до разговоров.

Борис. Вы в моем доме. И я вас покорнейше прошу... о Софье Арсеньевне...

Бланк. Ну, бросьте эти тонкости. Не ко времени. Я человек трезвый и простой. А что я в вашем доме – очень жаль, да ничего не поделаешь. Жизнь и не такие шутки шутит. Впрочем, я лично ничего против вас не имею. Оставьте только меня в покое.

Борис. Лично ничего? Скажите, пожалуйста! Я не знаю, что вы там имеете, чего не имеете, я обратился к вам по-человечески, а вы... кажется... пользуетесь случаем, что я не могу поставить вас на свое место, что я не могу...

Бланк (отходя от него). Эк, ведь тоже, «по-человечески». Не могу, не могу... (Громче). Да образумьтесь вы! Это уж не романтизм, а неврастения какая-то! Софья Арсеньевна идет...

явление 15

Соня. Да, да, доктор. Вы идите по вашим делам, а в случае чего я вас вызову.

Доктор. Да я через час назад. Не забудьте номер телефона: семьдесят два – пятьдесят три. Фельдшер пусть меня подождет. До свидания.

Доктор уходит. Борис его тупо провожает до двери. Соня отводит Бланка на авансцену.

явление 16

Соня (Бланку). Бланк, милый, поезжайте-ка и сожгите все. Он беспокоится. Да не думайте на конке ехать, возьмите извозчика и возвращайтесь скорее. Он еще все про какого-то товарища Александрова спрашивает...

Бланк. Знаю, знаю. Я и его извещу.

Уходит.

явление 17

Борис. Соня, послушай. Мне надо тебе сказать... Ты другая, ты ко мне переменялась. Ты меня больше не любишь?

Соня. Борис, Андрей умирает.

Борис. А я, я не умираю? Разве ты не видишь, что все для меня рухнет? Я думал, ты меня поддержишь. Ты одна могла бы помочь мне, а ты...

Соня. Что – я?

Борис. Если бы и ты любила меня, ты поняла бы, что я не виноват, что иногда у человека нет выхода, нет...

Соня. В чем ты оправдываешься?

Борис. Я не оправдываюсь вовсе. В чем мне оправдываться. Его в тюремную больницу хотели везти. Я его чуть не силой отбил, а тут Бланк уверяет...

Соня. В чем он тебя уверяет?

Борис. Да вот, что Андрей меня видеть не хочет, что ему мой мундир противен. А я знаю, что перед Андреем не виноват. Может быть, Бланк в тысячу раз больше виноват. Но ты ничего не видишь. Ему-то ты все прощаешь!

Соня. Борис. Ты в психопатии. Об этом потом, потом. Не думай же все время о себе.

Борис. Ах, Соня, Соня! (Пауза) Так я... пойду к Андрею...

Соня. К Андрею? Нет?

Борис. Значит, он прав? Бланк прав? Значит ты думаешь, как он? Да ведь это безумие, да ведь все с ума сошли, или я, что ли с ума сошел? Брат умирает, а я войти к нему не могу? Я о его жизни как о своей, заботился, я...

Соня. Благодарю тебя за твои заботы. Вместо улицы – он умирает спокойно, при нас, хоть в чужом доме. Благодарю тебя.

Борис. В чужом... Соня!

Соня. Да, и это мой брат умирает, мой, а не твой. Я для тебя, ради тебя говорю «не твой». А если твой, если ты, на своего брата, мог...

Борис (перебивая). Тыпустишь меня к нему! Я должен идти к нему! Ты не смеешь! Это бесчеловечно, это жестоко, что ты говоришь! (идет к двери).

Соня (становясь перед дверью). Нет, ты к нему не войдешь!

Борис стоит некоторое время молча, затем уходит в дверь направо. Соня садится в кресло и сидит, не двигаясь. Пауза. Входят из средней двери Арсений Ильич. Наталья Павловна и Генерал. Соня целует мать, затем отца.

Явление 18

Наталья Павловна. Где он?

Соня молча идет с ней к больному. Оттуда бочком выходит фельдшер, затем уходит совсем.

Явление 19

Генерал. Погоди, Арсений, не сразу. Он слишком слаб.

Арсений Ильич. Да. да. Вот до чего, Пьерушка, дожили.

Генерал. Ну, ничего. Дай Бог, еще оправится.

Арсений Ильич. Ну, а что же доктор? Да отчего же не вызвать профессора Вельяминова, а?[10] Надо действовать.

Генерал. Нет, я Чижикю верю. Он виды видал, да и все-таки свой человек. Главное горе – первая повязка. Не скоро наложили. Да и перевозить, говорит, не следовало. Ну, а что ж Борису делать, не оставлять же его в Москве?

Арсений Ильич. А где же он, Боря-то?

Генерал. Да не знаю, тут все был. Сейчас мы его позовем.

Мережковский Д. Маков цвет (драма в четырех действиях) filosofff.org
Арсений Ильич. Повидать бы его, расспросить хорошенько, поблагодарить...
Соня-то, значит, тут была, а мы думали в Царском.

Генерал. Соня – молодец. Я на нее не нарадуюсь. Арсений Ильич. Да, да, она у нас молодец. (Помолчав). Пьерушка!

Генерал. Что?

Арсений Ильич. Да вот, что ж это, а? Неужели он... погибнет? Ведь не может же этого быть, а? (Плачет, скрывая сморканием).

Генерал. Ну, что ты. Ну, ничего. Ну, бог милостив...

Арсений Ильич. Ведь исстрадались мы из-за него. Ведь знаешь, как ушел он тогда, так и пропал. Так мы ничего и не знали. Тут московское восстание[11] это безумное, ну понимаешь, все время невольные ассоциации... Часа не было, когда бы Андрея я вот тут (хлопая себя по груди) не чувствовал. Что я пережил, сколько перестрадал! Ты понимаешь. Пьерушка, а? Ведь я отец! И вот-таки обрушилось несчастье...

Генерал. Ну, что уж так... А времена, действительно... И надо же, чтоб Борис натолкнулся. И знаешь. Борис как его привез, – точно сам не свой. Мне даже это не нравится. Извинения какие-то, оправдания, просто лица не было! Надо больного на носилки укладывать, а он сразу о Соне, что она, да как она. Любит уж он ее очень. Ну-с, приехали домой, а нас тут чижик ждет, фельдшер и все такое. Андрей спокойный был. Светлый. Все просил вам не говорить. Как выздоровею, говорит, сам к ним, здоровый, пойду...

Арсений Ильич. Говорил это? Так и говорил «сам пойду», а?

Генерал. Все время твердил. Ну, Соню выписали. Уж это я настоял. Да, Арсений, старая я собака, а и то растерялся. Пиковое положение.

Входит Денщик.

явление 20

Денщик. Ваше превосходительство! Генерал Каменский вас к себе просит.

Генерал. Сейчас. Вот что. Позови Бориса Петровича.

Денщик. Слушаю-с.

Уходит.

явление 21

Генерал. Измотался я совсем с этой охраной. Надо рапорт подать, чтоб освободили.

Арсений Ильич. Ну, и что ж потом? Когда же Андрей нас к себе потребовал?

Генерал. Сегодня. Да я уж тебе рассказывал.

Арсений Ильич. Да, да, рассказывал.

Входит Борис.

явление 22

Борис. Здравствуйте, дядя (целует).

Арсений Ильич. Спасибо тебе, дорогой, спасибо, родной! (Плачет).

Генерал. Ну, Арсений, подбодрись. Так нельзя. Как же ты с таким лицом к Андрею?

Арсений Ильич. Я ничего. Да, да. К Андрею (Идет к больному, вытирая глаза).

Явление 23

Борис. Как тетя?

Генерал. Ничего, молодцом. А меня совсем затеребили. Сейчас генерал Каменский за мной посылал. Я хочу рапорт подать. Не до того.

Борис. Конечно, конечно.

Входят Евдокимовна и Анна Арсеньевна.

Явление 24

Генерал. Ну, вот и старая с Анютой. Живо слетала. Посидите пока, вы с холоду. Я сейчас вернусь. На одну минуту только.

Уходит.

Явление 25

Евдокимовна (запыхавшись). Я Анютиньку на крыльце только-только застала. Да где же он? Где голубчик-то наш белый? Куда его положили-то? (Идет, суетясь, к дверям налево).

Борис (удерживая ее). Нет, няня, что вы, погодите! Ведь вы с холоду, присядьте.

Анна Арсеньевна. Да, Боря, ты мне объясни, откуда? что такое? я решительно ничего не знала, вдруг вижу, няня. Едем сюда, расспрашиваю, говорит – Андрея при смерти нашли на улице... Это невероятно, и вообще...

Евдокимовна. Ох, Борюшка, уж я теперь пойду. Я его не простужу. Вон и руки теплые. Измучился он, небось, голубчик.

Борис. Сейчас, няня, сейчас.

Анна Арсеньевна. Да отчего он у вас, Боря? А мама где? А папа? И вообще... Да что ты молчишь? Господи какой ты невыносимый!

Входит Арсений Ильич.

Явление 26

Анна Арсеньевна. Ах, вот и папа! Папочка, вообразите, я решительно ничего не знаю, и вдруг... Вы от него, папочка? Он, значит, в угловой лежит? Ах, Боже мой, да вам дурно, папа! Боря, да принеси ты воды! Разве не видишь?

Борис (наливает воды). Выпейте, дядя.

Анна Арсеньевна. Ну что, папочка, как? Что вы нашли? Узнали вас?

Арсений Ильич. Не могу я... не могу там... Боря! ты видел его? давно он такой?

Борис. Я его... сегодня не видел...

Арсений Ильич. Нет, уж теперь что же... Какая же надежда, а? Анюта, ты подожди, подожди...

Евдокимовна. Довели, а теперь подожди! Долго-ль у дверей-то стоять? Барыня-то с Сонюшкой там, небось (твердо идет к двери и входит туда).

Явление 27

Анна Арсеньевна. Папочка, вы успокойтесь. Ведь так нельзя. Поберегите себя. Это ужасно. Уж я не понимаю, отовсюду такие несчастья, и вообще... Я сама теряю голову. Главное, ничего решительно не знаю, и сразу: умирает. Да кто это сказал? Был консилиум? Боря, неужели ты не можешь мне хоть в двух

Мережковский Д. Маков цвет (драма в четырех действиях) filosoff.org
словах толком объяснить!..

Входит Генерал.

явление 28

Анна Арсеньевна (к нему). Дядя Петя! Дядя Петя! Вот вы ушли, а папе здесь дурно было. Дядя Петя, скажите, неужели так опасно? Ведь он ранен, дядя? Может быть, Вельяминова привезти? Ведь я его отлично знаю, он сейчас же если я сама за ним поеду и вообще...

Генерал. А ты успокойся, суета. Мы уже послали, за кем нужно. Ты сядь да потише, а там, пожалуй, слышно. Евдокимовна где же?

Борис. Туда ушла

Арсений Ильич. А я не могу, не могу... У него уж голоса почти нет..

Борис. Дядя, милый, если б вы знали... Дядя, вы верите, я все сделал, что только в силах было человеческих...

Генерал. Да брось ты! разве кто сомневается!

Борис (не слушая, продолжает тихо). У меня в сердце что-то оторвалось, как я увидел, узнал... так и представилось, что, если бы увидели, тетя Наташа, Соня... Я уж тут ни о чем не думал, только о нем, да о вас всех. Мне ведь показалось, что он умер. Ну, а потом, когда он очнулся, – такая радость. А теперь вот опять... Да не смотрите вы так, дядя милый, я ведь душу за вас всех...

Арсений Ильич (слабо). Боря, милый ты мой, я знаю, знаю, уж видно, судьба...

Генерал (лепечет). Ну, что там, авось еще как-нибудь... мало ли терпели, еще потерпим... терпение, брат, это такая штука... Что же такого, ну и потерпим...

явление 29

Соня (выходит из комнаты больного). Идите все. Он кончается.

Все идут. Борис последним. Длинная, тягостная пауза. Сцена пуста. Темнеет. В среднюю дверь входит фельдшер Катков. Оглядывается, прислушивается, садится у стенки. Затем приходит денщик Дорофеев. Потом в двери постепенно начинают заглядывать денщики, вестовые. Входит от больного Евдокимовна. Все встают.

явление 30

Евдокимовна (причитая). Отдал Богу душу. Прости ему. Господи, прегрешения. Упокой Господи! (Обращается к денщикам). Кто тут из вас, братцы, потолковей. Грехи наши тяжкие. Надо ведь покойника прибирать. Дорофеич, голубчик, уж ты мне помоги. Уж кроме меня никого тут нет. А забот-то. Боже мой, сколько! За духовенством послать надо. Тихо скончался, вздрогнул, Богу душу и отдал. Дорофеич, нет ли у тебя пятак медных, надо ему глазки закрыть. Да полотенечко принеси, подвязать его, пока не остыл. Господи, господи, прости ему прегрешения, ведь без причастия скончался-то. И чего барыня смотрела!

С плачем возвращается в комнату, где лежит Андрей. Катков, Дорофеев и вестовые уходят на цыпочках в среднюю дверь. Пауза. Постепенно из комнаты Андрея выходят все, кроме Евдокимовны и молча садятся у стола. Долгая пауза.

явление 31

Наталья Павловна (спокойно и чистосердечно). Пьерушка! А мы Андрея увозим. Распорядись.

Генерал. Матушка, как же, это невозможно!

Наталья Павловна (крайне настойчиво). Нет, возможно. При твоём положении... да и доктор поможет... Протелефонируй градоначальнику, что ли. Я не знаю там, как. Я хочу, чтоб он в дом вернулся. Он вернулся бы, если бы выздоровел.

Соня. Да, да, ты права, мама! Его нельзя здесь оставить. Надо его отсюда увезти, скорей, как можно скорей. Мама, вот что, я домой поеду, надо все приготовить.

Наталья Павловна. Поезжай, детка моя. Измаялась ты. Боря, ты бы ее проводил?

Соня. Боря, Боря?... нет, мама. Мне тяжело, у меня темно на душе. Мне тебя страшно, Борис. Точно мертвый Андрей стал между нами. Останься. Я одна, одна. Только не с тобой.

Пока говорит Соня, входит Евдокимовна, желая обратиться к Наталье Павловне за какими-то указаниями. Стоит молча.

явление 32

Борис. Соня, Соня, что ты, Соня...

Соня. Мама, голубушка, вы поймете... А если и нет... все равно... Я не могу простить. Ненависти не надо, я знаю, я борюсь против ненависти. Но любви нет у меня к тебе, Борис... и нет прощения! Аня, поедem со мной.

Анна Арсеньевна. Да, да, поедem, Сонечка.

Уходят.

явление 33

Евдокимовна (подходит к Борису и целует ему руку). Борис Петрович, вы на нее не смотрите. С горя обезумевши, с горя. Вон куда ее метнуло, своего родного да царского слугу обижать... Горе это все, батюшка!

Борис (отдергивая руку). Убирайся вон! Тетя, папа! Вы слышали? Это безумие, это сверх сил! (Нянька уходит в среднюю дверь). Я, я убийца? Господи, да что же это? Как она может?

явление 34

Наталья Павловна. Боря, замолчи! За дверью твой брат мертвый!

Арсений Ильич. Боричка, милый. Ведь она в состоянии аффекта, прости ей. У меня даже и то голова кругом идет...

Борис. Нет, дядя, все кончено, все кончено!

Генерал. Боря, не распускайся. Не будь бабой. И у нас у всех смерть за плечами. Не даром присягу давали.

Борис подходит к Наталье Павловне, становится перед ней на колени и прячет лицо ей в колени.

Наталья Павловна (гладит его по голове). Боря, бедненький мой! Я тебя прощаю. И за себя и за Соню. А Бог тебя и подавно простит. Кто прав, кто виноват – не знаю. На все Божья воля. Должно быть, все виноваты. Одно только знаю, что очень мы несчастные, очень несчастные...

Генерал. Ну, что ж... Мало ли терпели, и еще потерпим, и еще потерпим...

Действие третье Конец июля 1906 г

Действующие лица:

Мережковский Д. Маков цвет (драма в четырех действиях) filosoff.org
Те же и

Александра Петровна Восторгова – попадья. Лет 45. Молодится. Роскошные формы. Завивает на лбу челки. Следит за модами. Говорит в нос. «Да» произносит как будто это французское слово «дан».

Иван Яковлевич Привалов – сельский учитель, 30-лет.

Савельич – приказчик из мужиков, на положении управляющего. Пожилой. Заикается. Косноязычие свое скрывает, говоря кстати и не кстати «то есть, это самое».

В деревне Мотовиловых, Тимофеевском, средней полосы России. Вечер. Площадка перед домом. Налево широкая терраса. Направо купы деревьев.

Явление 1

Евдокимовна и фима. Возьтятся на террасе около чайного стола.

Евдокимовна. На балконе чай пить вздумали! кругом бунтовщики, ночи теперь хоть глаз выколи, а они на балконе!

фима. Дарья Евдокимовна, а в Конопельцине-то управляющего побили.

Евдокимовна. Ну, что ты выдумала!

фима. Право слово, Колька давеча оттуда записку барышне приносил – рассказывал. В селе народу много, рожь возили, он на них крикнул, а они на него да на него. Ванька Шарик, кажись, его кулаком как вдарит! Еле ноги унес. Господа молчать наказывали. Я Кольке и то побожилась, что никому не расскажу. Так уж только вам.

Евдокимовна. А ведь тут не без жида без нашего. Все туда стрелял. Барышня-то верит ему, а уж он не доведет ее до добра. Ох, дети, дети, куда вас дети, на ниточку вздети, и будете висети. И где это Сонюшка? Стемнело, а ее все нету.

Из саду идет Попадья. Входит на террасу.

Явление 2

фима, накрывающая стол, вскоре уходит.

Попадья. Здравствуйте, милая. Все-то вы в хлопотах! Хлопотунья!

Евдокимовна. Здравствуйте, матушка. (Целуются). Спасибо, что наших не забываете. Уж очень они все горюют. А Сонюшку в саду не встретили?

Попадья. Нет, не видела что-то. Горей-то сколько Бог послал. Да, гуляла я это по парку и все думала. Сколько воды утекло! Давно ли, можно сказать, здесь Эдем был? Молодежь, веселье. Андрюшенька-то, покойник, поэт наш незабвенный, как, бывало, стихи читал, и все декадентские. А сколько тут народу в Петров день бывало! костры, это, иллюминация! нигде так весело не бывало, как в Тимофеевском. Уж это известно, да.

Евдокимовна. Уж не говорите, матушка, Послал бог испытание.

Попадья. Вот и генерала убили. Ну, скажите на милость? За что эту светлую личность жизни лишили? Рыцарь был настоящий, без страха и упрека. Да. Вот как живой передо мною стоит. Помните, Евдокимовна, когда конопелицкую барышню венчали, какой он веселый был. Фейерверк устраивал. Всем, это, заведовал, горячился. Настоящий кавалер. Царство ему небесное! И смерть-то какая! От руки злодея. А все жида эти да анархисты. Да.

Евдокимовна. Вот и в нашем доме жид завелся. Примазался с самой кончины Андрей Арсеньевича. Теперь второй месяц живет. И сколько раз я барыне говорила. Погубит он Сонюшку. Она добрая такая, жалеет все его. А он разве

Мережковский Д. Маков цвет (драма в четырех действиях) filosoff.org
на что посмотрит? Ведь современный нигилист. Долго ли до греха? Уж примечая
я, что не ладно. Ну, да что говорить.

Попадья (оживляясь). Неужели правда влюблена? А Борис Петрович что? Так и
расстроилось?

Евдокимовна. Да кабы не этот жид проклятый, не расстроилось бы. Все он.

Попадья. А мы-то с батюшей говорили, вот пара! Да, Надеялись тут их и
повенчать, как Анну Арсеньевну.

Евдокимовна. А она-то, бедная тоже все мается. С детьми не справится. Шутка
ли одной, вдове-то. Нехорошие такие письма барыне из-за границы пишет.

Попадья. Да. Нынче никакого уважения к родителям. Представьте себе, мои-то
семинаристы ведь тоже ораторами стали. По деревням шляются. Того и гляди
схватят. Да. (На террасу входит Привалов. Попадья вскакивает). Ура! Варшава
наша! Иван Яковлевич!

явление 3

Учитель. Александре Петровне мое почтение. Здравствуйте. Евдокимовна! А
старики где?

Евдокимовна. Да разве не видали? В гостиной сидят.

Учитель. А молодежь?

Евдокимовна. Да гуляют где-то!

Попадья. Что это вас не видать, Иван Яковлевич?

Учитель. Да занят все был, матушка.

Попадья. Шутник! Какие у вас летом занятия. Прокламации печатаете, да с
Клавдией Орловой целуетесь! Вот и все ваши занятия. Дон Жуан!

Учитель. А вы откуда знаете?

Попадья. Откуда знаю? Да все село об этом говорит. Не понимаю я вас.
Интеллигентный мужчина, и ухаживает за такой необразованной. Да.

Учитель. Так ведь образованные недоступны. Вы, например.

Попадья. А вы почему знаете?

Учитель. Ого!

Попадья. Евдокимовна, самовар, поди, не сейчас? Иван Яковлевич! Пойдемте на
вал. Закат божественный. Все бы только сидеть да любоваться. Настоящий
романс, да.

Учитель. Нравится, так идите. А я тут при чем?

Попадья. Ах, какой нелюбезный. Поэзии вы, дорогой, не понимаете. Настоящий
профан. Да.

Учитель. А в ваши годы, да при вашем сане, поэзию-то, пожалуй, и пора
бросить.

Попадья. Всегда что-нибудь неприятное скажете, всегда. Никакого, можно
сказать, обращения у вас нет, да.

Темнеет. Из сада выходит Соня. Увидав, что на террасе чужие,
останавливается под деревьями.

Учитель. Уж не такая тонкая штучка, как Вы!

Попадья. В высшей степени это неучтиво. (Уходит в дом).

Учитель. Матушка, матушка, что вы обиделись. Я пошутил. (Идет за ней).

Явление 4

Евдокимовна. И пора бы ей уgomониться. Под пятьдесят бабе, а туда же. (Фима приносит самовар). Фимка! Пойди поищи барышню. И куда это она пропала.

Уходит в дом. Фима сходит с террасы, озираясь.

Явление 5

Соня. Фима! Не ищи. Я здесь.

Фима. Ну, слава богу, барышня. А то боязно в сад-то за вами идти. (Уходит в дом).

Явление 6

Соня садится на скамейку под террасой. Входит Бланк из сада.

Бланк. Ты уж здесь? А я тебя в саду искал.

Соня. Здесь.

Бланк. Что ты мне сказать хотела? Начала и не договорила.

Соня. Я? Ничего.

Бланк. Ну, милая, скажи. Ты последние дни смутная какая-то. (Помолчав). Впрочем, как хочешь. Я тебя понимаю. Я не хотел бы насильно вызывать разговоры. Сочтешь нужным – скажешь, потолкуем...

Соня. Устала я...

Бланк. Дел, милая, непочатый край, а ты устала. Я у вас эти два месяца, можно сказать, отдыхаю. Уезжать пора, кстати, небезопасно тут для меня становится.

Соня. Постой, постой, ты не о том... Я хотела тебя спросить...

Бланк. Что с тобой?

Соня. Выслушай меня. Мне тяжело, ты пойми. Все путается вокруг меня. Петля какая-то затягивается. Дышать нечем. Так нельзя...

Бланк. Как нельзя? Да скажи толком. Какие петли? Ведь не старая же семья тебя связывает? Неужели и мы, борясь за свободу, еще можем чувствовать себя несвободными от старой семьи? В это я не верю. Если у нас будут дети...

Соня. Новая семья! От той уж можно быть несвободными? (Серьезно). Нет, ты не угадал. Выслушай меня. Мне тяжело... Мне страшно... Мне скучно.

Бланк. Со мной?

Соня. Не знаю. Мы оба какие-то жалкие. Общественности себя посвятили, пропагандой занимаемся. Немножко рискуем, но не очень. О, нет! А попутно семейное счастье устраиваем. Все как следует: и романтизма столько, сколько следует, не больше: парк, соловьи, поцелуи при луне, а потом – жена, верная помощница. И все по-хорошему, по-честному... О, старая канитель! Старая серая жизнь! Серая общественность... Андрей правду говорил, старое душит, сердце выпивает. Смерть без смерти.

Бланк. Заскучала ты, Соня. Но ведь нельзя же так поддаваться настроению. По случайному капризу перестать верить, во что верила. Жизнь беспощадна; в борьбе с нею не романтические порывы нужны, а тупое, трезвое упорство. Это упорство у меня есть. И у тебя оно есть. Твое уныние временное. Ты такая же, как и я.

Мережковский Д. Маков цвет (драма в четырех действиях) filosofff.org
Соня. Да нет! Не такая! Не такая! У меня все другое. Я вижу ужас кругом, смерть. Я не умом, а как-то всем существом вижу ее, слышу ее... А ты на это отвечаешь... трезвым упорством... Ты говоришь, что это честно, а я... я не знаю. Все несется вперед, рушится, падает, а ты хочешь кого-то образумить. Поздно, поздно...

Бланк. Все рушится, а хоть бы и так? Надо глядеть гибели прямо в глаза, не бравирюя, но и не ужасаясь. Смотрят же ей в глаза сотни товарищей. В том-то и выдержка, чтобы не соблазняться гибелью, а делать по-прежнему дело жизни. Терпения у тебя, Соня, нет. Нервы расходились, вот и я тебе стал казаться каким-то серым и тусклым. И ты незаметно отходишь от меня. Говорить о переживаниях не значит еще переживать, помни это. Ты меня не понимаешь только потому, что я давно пришел к трезвости, давно научился молчать обо всем, что привело меня к делу борьбы. Я редко высказываюсь. Нужны только простые вещи. Все же иное – поддельная глубина, истерика. Если я отвечу тебе на твои сомнения просто, что у тебя детское нетерпение, что история не делается сразу, – знай, что в моих словах есть настоящая мудрость. Нет выдержки, нет терпения.

Соня. Ждать я не могу. Я ведь живу один раз, и зачем-то люблю жизнь, зачем-то живу? Что-то ведь с меня, если я живу, спрашивается же? Да, надо делать, да, нельзя не делать... Смерч закружился; Андрея убили, дядю Пьера убили... убивают, а я, храня себя, буду с тобой прокламации разбрасывать? Да... что еще? Программные общие места повторять? Нет, я не могу. Нет, если так...

Бланк. Конечно, на нашу долю выпала тяжелая полоса истории. Но мы потрудимся не даром. Будущие поколения...

Соня. Нет мне дела до будущих поколений. Сейчас – моя жизнь, моя вина, мой ответ! Моя боль неутолимая!

Бланк. Но ведь есть же у тебя твое личное счастье, Соня. Вспомни, мы любим друг друга. Вместе легче страдать.

Соня. О, какое личное счастье! Вместе, ты говоришь, вместе... А вот я страдаю одна... Ты не хочешь меня понять. Или ты не можешь?

Бланк. Милая, хорошая моя. Ну, успокойся... Ну, скажи...

Соня. Я скажу. Вот что я тебе скажу... Вот что я думала... Да, да, думала и думаю: если кругом все только сплошное безумие, так бежать надо... без оглядки, на край света... или...

Бланк. Или что?

Соня (помолчав спокойно). Или, у кого есть силы, есть вера в свою правду, идти, как Андрей, убивать и быть убитым. Других путей нет сейчас для нас. Я – не вижу!

Бланк. Безумие! Истерика!

Соня. Я спокойна. Да, конечно, это безумие. У меня нет веры Андрея... Я не знаю... своей смерти – я не боюсь, но права на чужую жизнь у меня нет... Мне страшно, страшно... куда идти? О, помоги мне, помоги мне. Пойми, что я тебе говорю!

Бланк. Милая, бедная ты моя! Словами я не могу тебе помочь. Просто ты еще не знаешь ни меня, ни дела, передумай, перестрадай, только серьезно, без истерики, и ты доверишься мне. От дела я никогда не отойду. Я до конца жизни буду бороться за счастье других, за свое счастье и за твое тоже. Чтоб ты победила уныние, полюбила жизнь. Она прекрасна, Соня. В ней светлая борьба.

Соня. Ты прав... для себя. Оставь меня.

Бланк. Соня, кто-то пришел на террасу. Пойдем в сад, я должен тебе еще сказать...

Соня. Нет, оставь меня. Потом, после, теперь я хочу быть одна, я должна быть одна.

Уходит за дом. Бланк через некоторое время идет на террасу. На террасу выходят Арсений Ильич, Наталья Павловна, Попадья, Привалов, позже Бланк.

Явление 7

Арсений Ильич. Матушка, а бабушка что же?

Попадья. Бабушка дома сидит. Нельзя же дом оставить. Нынче ни одного момента спокойствия. Да, представьте, Наталья Павловна, сегодня это я сижу у окна, вдруг с улицы какие-то сарданапалы[12] подходят и нахально так денег просят. Я окно захлопнула, а они мне такое слово вслед, что даже сказать нельзя. Да. Совсем избаловался народ. Да.

Учитель. А вы, матушка, дурные слова все понимаете?

Бланк входит на террасу.

Наталья Павловна. Сони не видали?

Бланк. Она у себя, наверху, сейчас придет. Ну что, Иван Яковлевич, как дела? Матушка, а я сегодня сынков ваших видал. Молодцы они у вас.

Попадья. Ох, мосье Бланк, какие там молодцы! Это, можно сказать, мое вечное страдание, да.

Учитель. Каких змей вы на своей обширной груди вскормили.

Входит Евдокимовна.

Явление 8

Евдокимовна (с ехидством). В Конопельцыне управителя мужики избили.

Наталья Петровна. Все-то ты знаешь, Евдокимовна.

Евдокимовна. Да, небось, Иосиф Иосифович лучше моего знает.

Арсений Ильич. Кто тебе сказал?

Евдокимовна. Уж правду говорю.

Попадья. Ну, вот, я говорила тоже.

Евдокимовна уходит.

Явление 9

Учитель. Что вы говорили? Ничего вы не говорили. Да, мерзавец этот самый конопелицкий-то управитель. Поделом ему!

Попадья. Ну, да, мне вот наемный начальник станции говорил, что ему с прокламациями сладу нет. Как поезд пройдет, так вся станция прокламациями и завалена, и все самого возмутительного содержания.

Учитель. А вы их, матушка, читали?

Попадья. Вот и читала.

Учитель. Вас бы за это арестовать следовало.

Попадья. И чем это все кончится? Катастрофа грандиозная.

Арсений Ильич. Сил нет! Я совершенно болен. Тут жить нельзя.

Бланк. Не бойтесь, к вам не придут.

Мережковский Д. Маков цвет (драма в четырех действиях) filosofff.org
Арсений Ильич. Да непременно придут. Никакого сомнения нет, что придут. Елагина спалили же. Это безумие жить здесь. Как разогнали Думу[13] проклятую, так удержу не стало. Я понимаю, она действительно утрировала, но неужели нельзя было как-нибудь... постепенно... смазать, осадить там, осадить здесь... А ведь это ад, хаос, варварство...

Наталья Павловна. Опять ты волнуешься, Арсений.

Учитель. А кто же в этом хаосе виноват?

Попадья. А на духовенство теперь поход. Реформы, реформы, реформы. Да. Точно духовенство в чем виновато? Из кулька в рогожку перебиваемся, а еще реформы, да.

Учитель. Я вчера вашего батюшу встретил. Из Зайлинки ехал. Целую телегу всякого добра вез.

Попадья. Бессребреник какой нашелся! Вам, поди, бабы полотенце да кур не носят? Да.

явление 10

Входит Соня.

Наталья Павловна. Ну, наконец-то ты.

Соня. Мы гуляли с Иосифом Иосифовичем, так хорошо. Люблю я Тимофеевское.

Попадья. Очаровательно здесь. Парк-то какой! Я говорила Евдокимовне, настоящий Эдем.

Учитель. Так ведь в Эдеме-то змей и завелся.

Попадья. Много вы знаете! Атеист!

Входит Савельич.

явление 11

Савельич. То есть, это самое, ваше превосходительство, Лыково горит.

Соня. Ах, право, зарево какое!

Все спускаются с террасы.

Савельич. Так что, это самое, подпалили.

Попадья. Конечно, подпалили. И наверное калитинские. Там все головорезы.

Учитель (отводит Бланка в сторону). Иосиф Иосифович. А вы бы, батенька, убирались отсюда, да поскорее.

Бланк. А что?

Учитель. Да до вас добираются. У меня, надо вам сказать, с урядником дружба, так он намекнул.

Бланк. Да я и то собираюсь. Спасибо.

Арсений Ильич. Нет, нет! Так нельзя. Надо уезжать. У меня каждый день сердечные припадки. Я в этом доме родился, а завтра от него, может быть, куча углей останется. Да черт с ним с домом-то, а нас, вы думаете, кольями не распорют?

Наталья Павловна. Арсений, не распускайся.

Савельич. То есть, это самое, очень тут стало опасно, ваше

Мережковский Д. Маков цвет (драма в четырех действиях) filosoff.org
превосходительство.

Попадья. Иван Яковлевич, поедemте со мной, мне страшно. И батюша дома один.

Учитель. Ничего с батюшей вашим не станется. Наверное сидит пасьянс раскладывает.

Арсений Ильич. Трудился, работал всю жизнь, отдал науке здоровье, силы... И силы не иссякли еще... и вот, на! Ни за что, ни про что, потому что где-то, кто-то думу разогнал... Я-то тут причем. – спрашивается?

Наталья Павловна. Не волнуйся. Ну, уедем за границу. Куда хочешь. Мне все равно.

Соня. Савельич, вы бы в Лыково рабочих послали.

Савельич. Что вы это барышня, то есть это самое, чтоб нас подпалили? А вот пойти караульных проверить, это, то есть это самое, следует.

Арсений Ильич. Ну, что вздор городить, точно караульные помогут.

Савельич. Ваше превосходительство! Вы бы, то есть это самое, войск попросили. На станцию сегодня целый батальон пришел.

Арсений Ильич. Савельич, оставьте вы меня в покое. Мы все равно уедем, а тут хоть все пропадом пропади.

Савельич. Как угодно, не мое добро, ваше.

Попадья. Савельич, дорогой. Лошадку-то мою велите закладывать. Я поеду. Иван Яковлевич, милый, поедemте. А батюша-то как волнуется.

Савельич уходит.

явление 12

Наталья Павловна. Ну, матушка, куда торопитесь, чайку попьем.

Учитель. Да-с. Иллюминация. И ведь что жгут-то. Сами впроголодь, а хлеба жгут.

Бланк. Господа, поедemте на вал. Оттуда виднее.

Соня. Нет, не надо.

Наталья Павловна. Лучше сядем за стол. Надо успокоиться. Уж очень разнервничались (Привалов. Попадья, Наталья Павловна идут на террасу. Бланк стоит рядом с Соней, смотрят на зарево. Профессор ходит по саду). Да, Иван Яковлевич. Вам нас трудно понять. Вы чужой здесь человек. Сегодня здесь, завтра там. А нам-то каково? Когда я сюда приехала, в уезде ни одной школы не было. Наша первая. Все на моих глазах выросло. Ведь я чуть не всех крестьян тут знаю, и всегда в ладу жили. Ну, сами посудите, разве мы крестьян в чем обижали?

Арсений Ильич (поднялся на террасу в то время, когда говорила Наталья Павловна). Ведь эти самые капитанские мне три года за обрез не платят, что же, разве с них я тяну? А подожгут лучшим манером!

Учитель. Так ведь если подожгут, так не вас, а помещика. Помещик всегда не прав.

Арсений Ильич. Отличная логика и утешение. Спасибо-с. А вы думаете, вас не тронут, третий элемент?! Дайте срок, и против вас пойдут. Тут вся культура рушится, пугачевщина!

Приходят из сада Бланк и Соня.

Попадья. Иван Яковлевич, милый, ну полно вам чайничать! Лошадку-то уж

Мережковский Д. Маков цвет (драма в четырех действиях) filosoff.org
наверное подали.

Учитель. Да что вы, влюбились в меня, что ли? Шагу без меня сделать не можете.

Попадья. Даму даже проводить не хотите?

Учитель. Ну, хорошо. Поедемте, «дама».

Попадья. Наталья Павловна, бесценная, до свидания. Завтра у обедни будете? А то я скажу батюше, чтоб подождать.

Наталья Павловна. Нет, матушка. Вы нас не ждите.

Арсений Ильич. Да мы, может быть, завтра и совсем уедем. Ведь не ждать же, в самом деле. чтоб нас подождли. Поедем в Петербург. Сдадим квартиру, да и махнем за границу.

Бланк. Правда, вам следует уехать. Чем скорее, тем лучше. Совершенно вам теперь в России делать нечего.

Арсений Ильич. Совершенно нечего, совершенно. Довольно натерпелись. В чужом пиру похмелье.

Бланк. Конечно, конечно. Соберитесь-ка поскорее, да и уезжайте.

Учитель. А зарево-то уменьшается. Ну; матушка, я ваш, весь ваш. (Наталье Павловне). Если впрямь уезжать надумаете, дайте знать, я зайду. Может, указания какие дадите, ведь вы, как-никак, а «попечительница».

Попадья. Наталья Павловна, непременно дайте знать. Мы с батюшей проститься приедем. До свидания, милая (целуются).

Арсений Ильич. Да уж если действительно уезжать; так действительно скорее, как можно скорее.

Все уходят, кроме Сони и Бланка.

Явление 13

Бланк. Ну. вот, это даже к лучшему! Старики уедут, отдохнут, успокоятся. А нам свободнее будет, да и выяснится все скорее. Ты скажешь им, что ты... моя жена. На мой взгляд – давно надо было сказать.

Соня. Да. Видишь ли... Я, конечно, скажу им все... Но я; вероятно, уеду с ними.

Бланк. Соня, ты опять давешний разговор, что ли, хочешь поднимать? Поверь, я очень серьезно отнесся к тому, что ты говорила; но только все же у тебя много истерики, настроения... Уныние, совсем тебя недостойное...

Соня. Нет, милый мой. Я не хочу разговоров. Зачем? Подумала одна, худо ли, хорошо ли, а все про себя поняла – ну и довольно. Правда, я хотела тебе что-то сказать, – всегда ведь рвешься высказаться... близкому, каким ты мне казался. Не сумела этого, ну и не надо. Я покорилась. Я вот только и хотела сказать тебе, что уеду.

Бланк. Да что ты, Соня? Чему ты покорилась? Я отлично тебя понял и понимаю. Я чувствую твое уныние, твое отчаяние. Я сам через это проходил. Ты ищешь оправдания, искупления, жаждешь себя в жертву принести. Это святое чувство; но оно слабость. Тут есть замаскированный эгоизм.

Соня. Может быть. Я тебе уже сказала, я не хочу разговаривать, спорить. У каждого из нас своя правда. Но моя – моя, и я с этим ничего не могу поделать. Ты вот все об унынии. Видишь, как ты меня не знаешь. О, я не унылая! Я могу мучаться; ошибаться, колебаться, возвращаться, – я и теперь еще не знаю, окончательно ли я повернула с моего перепутья. Не затуманит ли опять жизнь, – но одно знаю: в унынии или в однообразном отчаянии, жизнь моя никогда не влачилась, и никогда я ее влачить не буду.

Бланк. Ведь не хочешь же ты сказать, что ты... по ошибке со мной сблизилась?

Мережковский Д. Маков цвет (драма в четырех действиях) filosoff.org
Мы полюбили друг друга сознательной любовью... А если так, то зачем же ты хочешь меня покинуть?

Соня. О, я понимала, понимала, что делала. Я ни в чем не раскаиваюсь... И, однако, это еще не значит, что сближение наше, вот когда люди становятся мужем и женою, или любовниками, – это или так велико и важно, так безмерно важно, что всей важности ты даже и не понимаешь, да и редкие понимают, или же... Это – совершенное ничто. Сошлись – и не сошлись. Сошлись – и не увидели друг друга! И это последнее, когда – было и как бы не было, сошлись – и не увидели, – это, может быть, еще важнее, потому что это непростимое, незабвенное, и люди не смеют так сходить, чтоб в глаза друг друга не видеть. Это им не позволено. И если это с ними случается...

Бланк. Ты отлично знаешь, как это страшно для меня важно, и как я тебя люблю.

Соня (продолжая). И вот мы с тобой, мы с тобой... Я еще не знаю, я еще не смею знать наверно... Но мне иногда кажется, что мы с тобой в глаза друг друга не видели, так ничего и не было. Мареву, туман какой-то наплыл...

Бланк (с раздражением). Значит, ты не поняла, а не я, насколько мы глубоко и неразрывно связаны! Если же ты меня не любишь, если ты просто поддавалась мимолетному увлечению, то имей мужество это сказать, а не прикрывайся громкими фразами. Скажи прямо, что я для тебя больше не существую. (Меняя тон). Соня, это все неправда, это туман, который рассеется. Ты испугалась личного счастья. Тебе показалось, что оно не заслуженно. Это пройдет, милая. (Обнимая ее). Я тебя люблю, а ты меня любишь, да, да?..

Соня (отстраняя его). Весь ты – мой туман. Холодный туман. Весь ты, весь ты... Никто не виноват – а может быть мы оба виноваты. Нет, должно быть, никто. Ведь и я твой туман... Ведь ты тоже в глаза меня не видел.

Бланк. Соня, замолчи сейчас! Это дико; что ты говоришь! Я хочу положить всему конец. Сегодня же вечером я прекращу это нелепое, фальшивое положение. Я верю в тебя, в себя, в твою любовь. Будущее покажет тебе правду. Сегодня же я скажу все твоим. Мы поговорим серьезно. И уедем отсюда, как можно скорее. Пора вернуться к трезвости и настоящей жизни. Слышишь, Соня?

Соня. Слышу. Делай как хочешь. Пусть будущее покажет правду. А только и ты ее, правды-то, так же не знаешь, как я не знаю. Пусть покажет будущее! Пусть!

Возвращаются Арсений Ильич и Наталья Павловна.

явление 14

Арсений Ильич. Я; может быть, и преувеличиваю, может быть, это нервы, но оставаться я здесь не могу. Сил моих нет.

Наталья Павловна. Да, Арсений. Надо уезжать. Слишком тут тяжело.

Арсений Ильич. Правда, поедem завтра налегке. А Евдокимовна дом приберет, уложится и приедет с вещами. Ведь все равно за границу не сразу. Соня, хочешь за границу? Ведь ты тоже хочешь за границу?

Соня. Да, хочу.

Арсений Ильич. Ну вот и отлично. Вот и поедem.

Наталья Павловна. А куда же поедem-то?

Арсений Ильич. В Париж. Разумеется, в Париж. Я там заниматься буду, лекции читать...

явление 15

Евдокимовна. Идут! Идут!

Убегает. Все вскакивают.

Мережковский Д. Маков цвет (драма в четырех действиях) filosoff.org

Арсений Ильич. Мужики? Мужики?

Бланк (бежит в дом). Пауза. (Из дверей). Идите. Это полиция и солдаты. В Лыково, должно быть.

Арсений Ильич (к Наталье Павловне и Соне). Подождите, я сейчас.

(Уходит с Бланком).

явление 16

Наталья Павловна. Солдаты, солдаты? Зачем солдаты? Соня, когда же это кончится? Они стрелять будут? Господи, господа!

Соня. Мамочка, милая, они в Лыково идут. Они у нас не останутся.

Наталья Павловна. Только бы они не стреляли. Неужели опять убийства? Сколько крови, сколько крови!

Соня. Нет, мама, они только охранять будут. Не бойся, моя хорошая, дорогая. Все поедет за границу, будем жить тихо, в сторонке, покойничков своих вспоминать...

Наталья Павловна. Помнишь, как дядя Пьер за Андрюшей ухаживал? Сколько ласки у него было? И Андрей его любил. И вот оба погибли. Точно друг друга убили!

Соня. Вот и Тимофеевское умирает. Как живой человек умирает. А Андрей-то как его любил! А Борис! Прошлым летом, на войне, мы с ним все вспоминали, как здесь когда-то в индейцев играли.

Наталья Павловна. Кажется, ушли.

Соня. Кто?

Наталья Павловна. Солдаты.

Соня (прислушиваясь). Солдаты? Должно быть, нет еще. Слышишь шум?

Наталья Павловна. Да, слышу, господа, господа.

Соня. Мама, милая, что-то будет? Что с нами будет? Ничего я больше не вижу, не понимаю, где правда, где ложь. Но так жить больше нельзя. Как вспомню об Андрее, о дяде Пьере, так сердце и упадет... Должны же мы искупить эти смерти. А мы...

Наталья Павловна. Что мы?

Соня. Да нехорошо как-то живем. Не так, не то.

Наталья Павловна. Мы старые, Соня. С нас не спросится. Сколько горя нам Бог послал, что иногда даже не под силу. А ты, детка, еще успеешь. У тебя жизнь вся впереди.

Соня. Ах, мама! Что я успею! Я совсем не знаю, что делать...

Наталья Павловна. А мне верилось; что ты понемногу успокоишься, что Иосиф Иосифович тебе поможет...

Соня. Нет, мама, он мне душу опустошил. Ничего в ней не осталось, недоумение какое-то.

Вбегает Арсений Ильич. В изнеможении падает в кресло. Некоторое время молчит.

явление 17

Наталья Павловна (вставая). Что с тобой? Арсений, тебе дурно?

Арсений Ильич. Ничего, ничего, все пустяки. Не волнуйтесь.

Соня. Да что такое, наконец? Папа, да говорите же.

Арсений Ильич. Бланка... Бланка...

Соня. Что, что...?

Арсений Ильич. Его, его... увезли.

Соня. Арестовали?

Арсений Ильич (молча кивает головой).

Соня. Где он, где он? Надо же ехать. Да что это, Господи, да как же это? Я поеду. (Порывается идти).

Арсений Ильич (удерживает ее). Никуда ты не поедешь. Говорят тебе, его увезли. Это пустяки. Я говорил со становым.[14] Надо к губернатору поехать, я похлопочу. Спасибо еще, обыска не делали. Да где же Евдокимовна? Завтра утром на вокзал поедем, его увидим. Евдокимовна! Он просил кой-какие вещи. Черт ее дери! Вечно нет, когда нужно! Соня, ты лучше знаешь, что он тут делал. Действительно в чем-нибудь замешан?

Наталья Павловна. Оставь, подожди.

Арсений Ильич уходит в дом. Слышны его крики: «Евдокимовна! Евдокимовна!»

явление 18

Соня (плачет). Как я перед ним виновата!

Наталья Павловна. Девочка моя, да ты... любишь его?

Соня. Ах, если бы вы знали, если бы вы знали!

Наталья Павловна. Да ты любишь его?

Соня. Поймите же, я ничего не знаю! Может, люблю... Любила... кажется. Да, кажется, потому что я его... то есть он мой... любовник. Слышишь, мама?

Наталья Павловна. Бедная, бедная моя девочка. Не бойся, детка, поплачь, поплачь...

Соня. Что мне делать? Что мне делать? За ним идти – зачем? С вами остаться – зачем? Ничего не знаю, где правда, где ложь...

Наталья Павловна. Соня! Ты его жена. Ты должна идти за ним. Даст Бог его выпустят, и ты...

Соня. Не могу, не могу...

Наталья Павловна. Не понимаю.

Соня. Ах, мама! Я себя сама не понимаю. Но я знаю, что тут где-то ложь, неправда. Я не хочу быть женой. Это было наваждение, надрыв. Я пожалела его, я думала, что люблю его...

Наталья Павловна. Не грехи. Соня. Твой путь теперь ясен. Ты теперь прежде всего жена, может быть, будешь матерью...

Соня. Нет, нет, я не жена, не мать, я сама, сама, я... Понимаете?! Я! И зачем ребенок? Какой ребенок? Что я с ним буду делать? На что он родится? На смерть? Мама, мне страшно, страшно.

Наталья Павловна. Не нам судить об этом. Не ропщи, детка моя. Смирись.

Входит Арсений Ильич.

Явление 19

Арсений Ильич. Завтра рано утром на вокзал. Евдокимовна его вещи приготовит. Соня, ты бы ей помогла. А вечером и сами укатим. Довольно, довольно. Сил моих больше нет.

Входит Евдокимовна.

Явление 20

Евдокимовна. Вот делов-то этот смутьян наделал!

Арсений Ильич (возбужденно). Все поедем! Все поедем! Все бросим! И тебя, старая, возьмем!

Евдокимовна. Куда это, батюшка, мои старые кости везти хотите?

Арсений Ильич. В Париж! В Париж!

Действие четвертое октябрь 1906 г

Действующие лица:

Те же и

Вася, сын Анны Арсеньевны, цыбастый подросток.

Борис.

Коген Максим Самойлович. Интеллигент-журналист. Еврейского происхождения, приземист, упитан, веселый. Жмурится, как кот.

Гущин Иван Иванович. Очень юный поэт, высокий, лицо мертвенное, голос подкошенный, шеей не ворочает от подпирающих воротничков.

Горничная, француженка.

Гостиная. Осень. В глубине очень широкая стеклянная дверь в столовую. В столовой у окна сидят Наталья Павловна, Анна Арсеньевна и Вася. Разговаривают. В гостиной налево у камина Арсений Ильич. Ноги под пледом. Бланк ходит по комнате, попивает кофе из маленькой чашечки.

Явление 1

Арсений Ильич. Ну что ж, оно, пожалуй, и лучше, что вы, наконец, собрались. Скучно нам, старикам, будет, да ничего не поделаешь.

Бланк. А вы к нам весной приезжайте. В Женеве дивная весна.

Арсений Ильич. Ну, до весны-то... еще, может, амнистию дадут. Вы в Россию уедете.

Бланк. Какая там амнистия! Да мне все равно. Надо будет, и без амнистии вернусь. Пока хочется подучиться. Ужасно притупляет пропаганда, я даже за литературой перестал следить. В тюрьме кое-что подчитал. Жаль бросать. А Плеханов[15] в этом деле незаменим.

Арсений Ильич. Да, да. Как бы только Соня в Женеве не соскучилась.

Бланк. И Соня, если захочет, всегда дело найдет. Вот, мне поможет... Я ведь насчет иностранных языков плох. Вместе читать будем... Наконец, там большая русская колония.

Арсений Ильич. Да, да, а все-таки трудно предрешать. Сегодня одно, а к весне... да что к весне, и раньше! – в России все может повернуться.

Бланк. Я не сомневаюсь, Арсений Ильич. Но что же из того? На наши планы это существенно влиять не может. Наше дело такое... не русское оно только, –

Мережковский Д. Маков цвет (драма в четырех действиях) filosoff.org
всемирное дело. Россия пока переживает свою революцию. Это необходимо, но это лишь подготовка к будущей, к последней, к настоящей.

Арсений Ильич. Ну, мы-то уж ее не увидим. Да и вы, пожалуй, не увидите.

Бланк. Право, не знаю. Не останавливаюсь на этом вопросе. (Помолчав). Мне важно мое дело сделать сегодня, завтра... Если мои усилия сколько-нибудь послужат для достижения общей, последней цели, – то с меня достаточно этого сознания. Главное не терять даром сил и дней.

Арсений Ильич (уныло). Я понимаю.

Бланк. А тут суета какая-то в Париже. Сосредоточиться невозможно. Да и Соне здесь не хорошо. Я вам откровенно скажу, Арсений Ильич, нездоровая у вас здесь атмосфера. Уж, кажется, я человек нормальный, а и то стал какой-то раздражительный. Поверьте, не виню я вас. По-человечески я вас искренне полюбил, понимаю вас. Ценю ваше личное благородство, неисчерпаемую доброту Натальи Павловны... Но что же поделаешь. Жизнь – штука жестокая. В ней железо есть. Она отстранила вас, отстраняет. Идти нам против нее, оставаться с вами – это значит самим обессилеть. Соне очень тяжело. Я вижу... Но единственное ее спасение – переменить обстановку, жить с людьми, в которых нет ничего в прошлом, а все в будущем. Прошлое ее давит. Хватит силы преодолеть – выплывет.

Арсений Ильич. Отлично я вас, отлично понимаю. И спасибо вам, что так прямо говорите. Мы – прошлое. Но мы вам мешать жить не будем. А все-таки утешение у нас есть: были и мы нужны в свое время. Ведь были же? (Пауза). Свое дело в свое время сделали же?

Бланк (рассеянно). Конечно, конечно... (Молчание).

Арсений Ильич. А сколько езды-то до Женевы?

Бланк. Ночь одна. Завтра вечером выедем, а утром в Женеве.

Арсений Ильич. Вы хоть пишите нам почаще.

Бланк. Я корреспондент плохой. А Соня, конечно, писать будет.

Уходит налево.

Явление 2

Арсений Ильич (кричит в столовую). Вася, принеси мне еще кофею.

Из столовой слышится голос Натальи Павловны: «Сейчас!» Входит Анна Арсеньевна с чашкой.

Явление 3

Анна Арсеньевна. Все вы, я вижу, киснете, папочка. Опять плохо спали. Нехорошо вам и кофе столько пить.

Арсений Ильич. Да что же делать, как не киснуть? Погода скверная, здоровье скверное... Что ж делать? Мы – прошлое, друг мой, нам только и осталось, что киснуть, пока не докиснешь. Да. (Помолчав). Вот завтра наши уезжают.

Анна Арсеньевна. Так, значит, окончательно решено?

Арсений Ильич. Завтра едут.

Анна Арсеньевна. Тоже эгоизм какой у Иосифа Иосифовича. Бросить вас одних. Знает, что и мне надо уезжать. Ведь я-то не по своей воле, я Васю везу.

Арсений Ильич. Ну, это пустяки. Со стариками им нечего делать. Говорят тебе, мы – прошлое. А им в будущее надо смотреть. Бланк отличный человек, – деятельный такой, серьезный. Энергия...

Анна Арсеньевна. А в Соне в последнее время как-то не замечаю энергии.

Арсений Ильич. Русская барышня. Поймешь ее. Все неразбериха. Нынче горит, – завтра, глядишь, завяла. А потом опять ничего. Выдержки нет. Я от Сони, так сказать, отступился... Отказываюсь тут что-нибудь понимать. Пусть уж Бланк. Авось он ее выдержке научит. Это в нем; слава Богу, есть.

Анна Арсеньевна. Ах, папочка, Сою браните, «русская барышня», а сами-то не по-русски все ворчите, и на погоду, и на Париж, и вообще... Чудный город! Я совсем парижанкой сделалась. Кабы не Васю везти, – не выехала бы. Какие люди! Эта чудная франсуаза – прямо мой ангел-хранитель. Ведь это она меня ввела в Теософское общество, я там душой отдыхаю.

Арсений Ильич. Астральные тела изучаешь? Что ж, всякому свое. И это один из видов прошлого...

Анна Арсеньевна. Какое прошлое? Это вечное, вечное!

Арсений Ильич. Ну, милая моя, меня от вечности такого сорта тошнит. Утешайся теософиями, я тебе не мешаю; для кого же они, как не для вас с франсуазой.

Входят Наталья Павловна и Вася.

Явление 4

Анна Арсеньевна. А вот, папа, франсуаза меня все про Сою спрашивает, мне даже неловко. Я уже говорю, что, собственно, брак задержан пустяками всякими, а как можно будет – они тотчас же обвенчаются.

Наталья Павловна. Ты бы вышел, Арсений. Целыми днями сидишь у камина.

Арсений Ильич. Ну, на что я выйду? Куда пойду? Грязь, толпа, скука... А тебе, Анята, и чудной твоей франсуазе я искренне удивляюсь. Кажется, пора бы французам привыкнуть к гражданскому браку. А выходит, что мы, так сказать, терпимее их. Да. (Помолчав). Ну и обвенчаются, конечно, в свое время. Пустяки какие.

Наталья Павловна. А Иосиф Иосифович где?

Арсений Ильич. К себе пошел, должно быть.

Вася. Дедушка! Сою что, в синагоге венчать будут?

Арсений Ильич. Дурак!

Вася. Нисколько не дурак, а просто спрашиваю, ведь он жид.

Арсений Ильич. Вася, поедешь в корпус, там и безобразничай, а у меня в доме прошу вздору не молоть.

Анна Арсеньевна. Папочка, уж я от него отступилась. Кажется, всем для них пожертвовала, за границу увезла – нет. Добился-таки этот воин своего. Я от полковника Генца письмо получила, обещает устроить его у себя, а к весне в 5-й класс приготовить.

Арсений Ильич. Премудрость там, подумаешь, в корпусе-то; в два месяца все вызубрить можно.

Анна Арсеньевна. Отвезу его, пускай, пускай. Как уж он там хочет. Силы последние иссякли. Если бы не франсуаза, которая поддерживает мой дух, – я бы давно, давно...

Вася. Ты опять не сдерживаешься? Ведь уж кончено, и сама же говоришь, что отступилась, чего же еще?

Анна Арсеньевна. Вот слышите, как он с матерью говорит? Нет, Шура мой, какой там ни есть, Шура никогда бы...

Вася. Шура? А Шура ваш... Шура вполне достоин... по заслугам будет... Если его когда-нибудь к столбу привяжут...

Наталья Павловна. Вася! Господи! Господи! Так говорить... О мальчике... о брате...

Вася. Надоело уж. Тут мать, тут брат, тут дядя, – слова не скажи. Вот дядя Боря. Что ж, оттого, что он мне дядя, я молчать обязан? Нисколько! был на войне, служил в хорошем полку – и вдруг в отставку. Что это, глупость? Или ренегатство?

Арсений Ильич. Сейчас же замолчи или убирайся вон! Я очень серьезно говорю.

Анна Арсеньевна. Боже мой, Боже мой. Как ты посмел?

Арсений Ильич. Брось, Анюта. Успокойся, успокойтесь вы все, сделайте милость. И так невесело – свару завели... (Пауза).

Анна Арсеньевна. А Боричка давно был у вас?

Наталья Павловна. Да вчера заходил.

Анна Арсеньевна. Какой он миленький в штатском. Привыкнуть не могу, не узнаю его каждый раз. Похудел ужасно.

Наталья Павловна. Тоскует.

Анна Арсеньевна. Смерть дяди Пьера так его потрясла. Ему бы развлечься. Ах, здесь премилое общество. Если бы я не уезжала... и вообще.

Вася. Мне пора, я ухожу.

Анна Арсеньевна. Куда ты?

Вася. Мне нужно.

явление 5

Анна Арсеньевна. Вот видели? И не смей спросить – куда. Недавно всю ночь с какими-то мерзавцами прокутил. Я думала, с ума сойду. Нет, в нем что-то ненормальное.

Арсений Ильич. Ну, кутежи-то, – это, положим, всегда было. А вот ретроградство его дикое, да к Шуре ненависть, – это, действительно... странное что-то. Теперь молодежь, дети даже – все ведь, как Шура, чего ж глаза закрывать. А этот у тебя... действительно, выродок какой-то.

Анна Арсеньевна. Ах, уж не знаю, что лучше. И как после этого в карму[16] не верить? Ясно, их душам предстоит целый ряд перевоплощений...

Арсений Ильич. Пошла свою чепуху городить.

Через столовую входит Борис.

явление 6

Наталья Павловна (встает навстречу). Здравствуй, милый мой мальчик!

Анна Арсеньевна. А, Боричка! (Целует его).

Борис. Здравствуйте, милые. (Жмет руку Арсению Ильичу). Сони здесь нет?

Арсений Ильич. Ну что, шатаешься по Парижу?

Борис. Брожу... Да невесело как-то. Им до нас дела нет, да и нам до них тоже. И столько людей, столько людей!.. Просто точно не люди, а «нарочно».

Наталья Павловна. Ты ведь Боря, первый раз в Париже?

Борис. В первый. И уж не знаю... Неужели идеал России – Париж, с равноправием, кокетками, автомобилями, цилиндрами и свободой?.. Страшно мне как-то...

Арсений Ильич. Ну, Боря, слышали уж мы эту песенку о гнилом западе. Я ворчу на Париж, да ведь моя жизнь в прошлом, а тебе не моими глазами надо смотреть. Сейчас же завел: запад, запад...

Борис. Да нет, дядичка, не гнилой он, запад, не гнилой, – милый, святой, хороший... Только не наш, другой... Мы другие. Нам другое надо. Впрочем, ничего я не знаю.

Анна Арсеньевна. Поживешь, оценишь Париж. Сколько жизни, комфорта, свободы. Люди ласковые, простые. Живут естественно, как живется, без вопросов. У нас все как-то странно, утомительно. Сейчас же вопросы, вопросы, вопросы. Точно нельзя без всяких решений жить. Брать жизнь, какой Бог ее создал. Ну, я не говорю, ну вдумываться, отчего же? Но ведь у нас пойдут эти вопросы, – и сейчас же ненависть, злоба и вообще...

Наталья Павловна. Ненависть у нас безумная накопилась. Здесь ненависти нет, это правда. Да ведь зато и любви нет...

Борис. Тетя, тетя, милая, сколько у нас ненависти, что даже слышать друг друга не можем. Все друг друга презирают, в чем-то укоряют, и никто никому не верит. Нет ненависти, – нет и любви, скажете? А из ненависти любовь вырастет ли еще? Ведь ни слова о ней, ни одного единственного. Забыли или не было ее никогда? И не будет?

Арсений Ильич. Да что тут о любви мечтать. Добиться бы простой человеческой справедливости...

Борис. Нет, дядя, кто любовь любит, тому справедливости не надо. Какая уж тут справедливость в любви? Справедливость будет рассуждать, кому умирать, кому жить, – а в любви никакой смерти нет, одна жизнь... И даже совсем и жизни нет, если нет любви...

Наталья Павловна. Судьба тебя изломала, Боричка. Взвалила тебе на плечи столько, что не всякому вынести.

Борис. Нет, тетя, я из-за этого мира не прокляну. Я люблю ее, жизнь, как она есть. Всегда любил. Только сам-то я такой... вы знаете, ну что я? Всегда боялся идти впереди жизни, над жизнью... Мечталось жить в самой середине. Думалось, не там ли еще теплится искорка любви. Оторвешься, выйдешь – очутишься в пустоте. А теперь вокруг и этого нет: жизнь сама ушла из-под меня, выскользнула... И я уж позади, за жизнью остался. Смотрю на нее, как сквозь стекло. Точно в корпусе, бывало, следишь из окна: Садовая, извозчики, магазин Крафта... Ну, да что обо мне. Я человек конченный. Je suis un опустившийся человек – это у Достоевского, кажется, кто-то говорит.

Арсений Ильич. Право, противно тебя слушать... Ноешь, ноешь... Совершенно, как Соня. Уж если вы опустившийся человек, так я-то кто? Старая калоша, которая промокает. Благодарю покорно. Нет, вон Бланк, – это я понимаю. Уж он не занует, руки сложа сидеть не будет в двадцать шесть лет. И что такое случилось, скажите, пожалуйста? Что случилось? Каждому поколению своя жизнь, своя работа... Отжили мы – вы живите... Слава Богу, не на один век и вам жизни хватит. Бланк совершенно прав...

Борис. Да, да. Разве я спорю? Бланк совершенно прав. Честь ему и слава. А когда они едут?

Арсений Ильич. Завтра вечером.

Входит Коген. [17]

явление 7

Коген. Ну что, профессор, все у камина сидите? У вас тепло, а у меня-то, у меня-то. Холод, как в погребке.

Арсений Ильич. Вы знакомы? Мой племянник Львов.

Максим Самойлович Коген. (К нему). Ну, что поделываете?

Мережковский Д. Маков цвет (драма в четырех действиях) filosoff.org
Анна Арсеньевна. Мама, я ухожу. Боря, прощай. До свидания, папочка. Гуляйте каждый день, возьмите себя в руки. Завтра приеду с нашими проститься. До свидания, мосье Коген.

Уходит с Натальей Павловной через столовую. Проводив дочь, Наталья Павловна остается в столовой, приготавливает чай.

явление 8

Коген. Да, да, так, так... Что я поделываю? Ничего, профессор, ничего. Читал вот в колонии лекцию о революции. Теперь в национальную галерею хожу. Да-с, не рассчитали мы. Кто бы мог подумать? Ведь казалось – все кончено. Победу праздновали. И вот, не угодно ли. Самая злейшая реакция!

Арсений Ильич. Вот, подождите, что еще весной дума скажет. Может, амнистия...

Коген. И насколько я ни на что не надеюсь, хотя за дело пострадал-то. Щепкой себя выброшенной чувствуешь... Выбросили и забыли. (К Борису). Давно в Париже?

Борис. Нет. С недельку.

Коген. Ну, и что ж, что ж, познакомились с парижскими развлечениями? Профессор, я переселился в Монмартр. В самый центр кабачков. Жизнь кипит вокруг меня, всю ночь кипит.

Борис. Интересная?

Коген. А вот приходите как-нибудь ко мне, вместе пойдем. Я вам такое покажу... Совершенные Афины. Культурная демократия. Наипоэтичнее формы порока. Здесь сама проституция поэтична. Ею занимаются по призванию. Деньги – дело второстепенное. Ну, как поэты стихи пишут. Ведь не для денег же, хотя гонорар получают.

Борис. Я был на днях в каком-то кабаке. Не понравилось. Добродетельно до... провинциализма, я бы сказал. И деловито. Народу – как в метрополитене. Что уж за сладострастие? На сладострастие и намека нет.

Коген. Нет? Вот как? Ну-с, ничего вы, значит, в Париже не видали-с. Ничего.

Входит Бланк.

явление 9

Бланк (Когену). А, уважаемый редактор!

Коген. Двадцать два дня всего редактором я был, а вот уж почти год в бегах.

Бланк (здоровается с Борисом, Когену). Ну и что ж, считаете свою роль оконченной?

Коген. А как же прикажете быть? Что делать?

Бланк. Дело найти всегда можно... Да, вы знаете, мы завтра с Соней в Женеву едем.

Коген. Ах, значит решено?

Бланк. Решено и подписано.

Арсений Ильич. Максим Самойлович изучением парижских нравов занялся. Все парижские кабаки посещает.

Коген (вдохновенно). Что кабаки! Нет, нет, вы не знаете. Это Афины, это Александрия. Какая красота! И клянусь вам, только здесь сохранилась искренняя любовь, истинная! До смерти, до кинжала. До слез умиления...

Арсений Ильич. Кто плакал?

Мережковский Д. Маков цвет (драма в четырех действиях) filosofff.org
Коген. Я, я плакал. Да, этого не знать – ничего не знать. И жизни мало, чтоб это изучить.

Арсений Ильич. Вот видите, вот и нашлось дело. (К Бланку). Слышите, Иосиф Иосифович? (Бланк смеется).

Коген (тоже смеется). Дело? Да... дело... Ах, профессор, что ж вы меня перед товарищем компрометируете? Это ведь я так... А вы... Пожалуй, еще из партии меня исключат (Все смеются).

Арсений Ильич. Что ж, это любопытно... Любопытные наблюдения... Вы говорите – истинная любовь сохранилась? А мы вот тут только что о любви рассуждали, что любовь...

Борис (перебивая, нервно). Дядя, дядя! Мы совсем не о любви... То есть не о той любви... Не о том...

В столовую вошла горничная с визитной карточкой. Наталья Павловна, взяв ее, входит с нею в гостиную.

явление 10

Наталья Павловна. Арсений, тебя какой-то молодой человек желает видеть. Вот карточка.

Арсений Ильич (читает). Jean Gouschine. Гущин, [18] наверное.

Коген. Слышал эту фамилию. Кажется, декадентский поэт.

Арсений Ильич. Какого же черта ему от меня нужно?

Наталья Павловна. По делу, кажется...

явление 11

Гущин. Простите, профессор, что я вас побеспокою...

Арсений Ильич. Пожалуйста. Чем могу служить? (Представляет всех). Коген, Львов, Бланк...

Коген. Я вас где-то видел на днях. Видел, положительно видел.

Гущин. Не знаю... Я не имел чести... Не помню. Я к вам, профессор, за указаниями. Я изучаю античную мифологию... Особенно культ Митры и Астарты. [19] Услыхав, что вы тут, я и взял на себя смелость обратиться к вам за некоторыми литературными указаниями...

Коген. А ведь я вспомнил! Я вас третьего дня видел в «Раю» и в самой неприличной позе.

Арсений Ильич. Как, в раю?

Коген. Тут есть кабачок такой, Le Paradis. Рай изображает, с гуриями, ну, обнаженными, конечно. При помощи зеркал, как-то. Вызывают из публики желающих попасть в рай, наводят зеркала, и эффект получается довольно пикантный. Так вот я мосье Гущина в таком раю с гуриями видел. (К Гущину). Ведь правда,?

Гущин. Да, очень может быть... Но я не вижу, какое это имеет отношение... к делу, по которому я пришел...

Арсений Ильич. Если вам угодно... я могу дать вам справки по интересующему вас вопросу. Пройдемте ко мне в кабинет.

Арсений Ильич и Гущин выходят.

явление 12

Бланк. Типик.

Коген. Это наверное из мистических анархистов.

Бланк. Что еще за чепуха?

Наталья Павловна. Пойдемте, господа, в столовую.

Коген. Вы, дорогой товарищ, отстали. Новейших течений не знаете.

Берет Бланка под руку и уходит вместе с ним в столовую.

Явление 13

Наталья Петровна. Боря, ты идешь? чай готов (Уходит).

Борис (вслед). Я сейчас.

Явление 14

Борис один. Темнеет. Садится к камину, молчит и смотрит в огонь. В столовую двери заперты. Возвращается Наталья Павловна.

Явление 15

Борис. Что Соня? Можно к ней пройти? Она за мной посылала сегодня.

Наталья Павловна (садится около него). Боричка, мне страшно. Ты прости, ты ведь знаешь, как ты мне дорог... Сама не пойму, чего боюсь, за кого боюсь, – а боюсь. Соня темная, и ты темный, и все вы вместе разговариваете, а после разговоров оба еще темней. Не понимаю я, что делается, а чувствую – страшное... Ты бы рассказал мне...

Борис. Да что же я вам скажу, тетя?

Наталья Павловна. Может быть, вас мучает... Ну, может быть, Сою Бланк тяготит? Может быть, она поняла, что не его, а тебя любит и любила, – как ты ее. Ведь ты любишь? Ведь ты любишь?

Борис (помолчав). Нет, тетя, не люблю.

Наталья Павловна. Ты это правду говоришь? (Глядит на него). Да вижу, вижу, правду.

Борис. И она меня не любит. Никого мы не любим с ней... (Пауза).

Наталья Павловна. Вот оно, страшное-то. Это самое страшное-то и есть: никто никого не любит.

Борис. Да как же быть; тетя; если нет любви? Ведь ее не купишь, не заработаешь. И чем нам с Соней любить? У меня душа – точно монета стертая – тоненькая-претоненькая. Вот Бланк, он не стертая монета. Он, может, и любит. И Сою любит, и себя любит, все человечество любит.

Наталья Павловна. Да ведь жизни нет в тебе, если любви нет!

Борис. Может быть, и нет жизни!

Наталья Павловна (вставая). Боря. Если так – умоляю тебя, прошу тебя, в память отца твоего прошу... не говори с Соней, не ходи к ней теперь, оставь ее лучше одну. Подожди. Это у тебя пройдет, я верю, и у нее пройдет. Это бывает и проходит. Вы измучены оба. Отдохнете, забудете... Мы, старые, крепче вашего были. То ли еще переживали. Душа-то, Боря... ведь в душе стержень железный.

Борис. Нет железного стержня в душе.

Наталья Павловна. Все пройдет, Боря, родной ты мой, все пройдет.

Борис. Вот и мы с Соней... пройдем...

Мережковский Д. Маков цвет (драма в четырех действиях) filosoff.org
Наталья Павловна. Живы живые, живы, живы...

Борис. Не мучьте меня. (Тише). И простите. А с Соней я не говорю так, не бойтесь. Ну, разве я с ней так говорю?

Наталья Павловна. Боря, я одна только тебя и понимаю. Знать, – не знаю ничего, а вот понимаю. Только тебя и понимаю, должно быть. Слепая у меня, малая любовь, бессильна я помочь тебе, – а все чувствую... и страшно. Это ты прости меня, мальчик мой дорогой, что я хотела... чтоб Сою ты оставил. Верю, души у вас живые, сами вы только этого не знаете... Боря, ведь что ж делать-то? Ведь жить-то как-нибудь надо?

Борис (задумчиво). Жить... как-нибудь надо.

Соня вошла незаметно.

явление 16

Соня (улыбаясь). Надо? Жить надо? Я и не знала, Боря, что ты уже здесь. Мамочка, какое у вас лицо! Пospорили вы с Борей, что ли? О чем?

Наталья Павловна. Нет... Так. (Помолчав). Вот о тебе говорили. Что ты, будто, никого не любишь.

Соня. Я? Отчего не люблю? А может быть и не люблю... Да что это, непременно сейчас же высокие слова: любовь, любить... Дело делать, вот главное. А Иосиф Иосифович?

Борис. Он, кажется; в столовой.

Соня (заглядывает поверх занавески в столовую через стеклянную дверь). У, да там целое общество. Отлично, пусть их, папу развлекут. Он совсем закис. А тут еще мы с Иосифом уезжаем. Ну, да ненадолго. Глядишь – и опять вместе будем, опять вместе. Все проходит, – правда, мамочка? Вы любите это говорить.

Борис. Да. все проходит.

Соня. Есть в сказке Андерсена песенка одна. царевна трубочисту ее поет, или трубочист царевне, – уж не помню: «ах, мой ангел, друг мой милый, все прошло, прошло, прошло». Да что вы скучные какие сегодня! А мне весело. Никогда стихов особенно не любила, с Андреем, бывало, ссорилась из-за них, а сегодня почему-то так и звенят в ушах, обрывками, и даже не стихи совсем, а детское что-то, старое... Цветики, цветики лазоревые... Лепестки, листочки малиновые...

Борис. Там поэт юный к дяде пришел, в столовой сидит. Из самых новых. Вот попроси, он тебе почитает, еще больше развеселишься.

Соня. Нет, нет; нет! Ни за что! Оставь! Как тебе не стыдно! (Тише). Я ведь не люблю декадентских стихов. В них магии, волшебства нет. Уж лучше я старенькое, детское, прошлое... Да и глупости все, ведь это я так...

Борис. Неправда, не все новые стихи бранила, ты же сама...

Соня. А знаю, знаю; про что ты вспомнил.

Борис. Про что?

Соня. А любила одни, Андрюшины... «В голубые священные дни распускаются красные маки»... Да? Да?

Борис. Да, про это.

Соня (продолжая). «Здесь и там лепестки их – огни – подают нам тревожные знаки...» Как дальше? Про зори красные? Не помню... А кончается... Подожди...

Скоро Солнце взойдет
Посмотрите – Зори красные.
Выносите

Мережковский Д. Маков цвет (драма в четырех действиях) filosoff.org
Стяги ясные...

Борис. Это не конец. Конец я хорошо помню. Мы еще о второй строке спорили, хоть я ничего не понимаю. Конец такой:

Красным полымем всходит любовь...
Цвет любви на земле одинаков...
Да прольется горячая кровь
Лепестками разбрызганных маков...
Наталья Павловна (тихо). Зачем вы?

Соня. Ну да, да... Вот откуда у меня, должно быть, и звенит в голове:
лепестки, листочки маковые... алые... Только проще... Я простое люблю... Андрюша, и он все-таки... (Перебивает себя). Мамочка, простите, милая, дорогая. Ах, какая я глупая. Вам неприятно?

Наталья Павловна. Соня, деточка моя... Ну, что я... А вот ты... сядь лучше сюда, посиди тихонько. Может, поговорим... Все вместе.

Соня. Поговорим? О чем? Все о том же, что нет, мол, ни у кого любви, да как это скверно, что нет; да откуда бы ее добыть... Ох, мама, скучно, надоело. Ведь все равно ни до чего не договоримся.

Наталья Павловна. Соня! Соня!

Соня. Что, Соня? Я только правду сказала. Ну, не сердись, мамочка, милая. Я буду совершенно серьезной (Садится около матери). Нужна ли, нужна ли любовь, у всякой ли цвет одинаковый. – что мы знаем? И уж нет той любви, никакой, – так уж никто этому не поможет. Ну кто поможет? Кто? Скажите, кто, если знаете...

Наталья Павловна. Я-то знаю, кто... Я знаю...

Соня. А я не знаю. Нет, право... Бросим лучше... (Молчат). Боря, вот я уеду, и мы с тобой долго-долго теперь не увидимся. А потом опять увидимся. Ты что будешь делать?

Борис. Не знаю, я думаю...

Соня (перебивая, живо). Что ты думаешь?

Борис. Нет, ничего. Кажется; что думаешь что-то, а захочешь сказать – нечего. А делать совсем нечего. Ничего не буду делать.

Соня (задумчиво). Да... Ну что ж... разве нет таких людей, которым нужно именно ничего не делать? А просто жить. Есть, спать, гулять... И чтоб с правом так жить, чувствовать, что не виноват.

Наталья Павловна. Все виноваты, Соня...

Соня (не слушая). А потом тихо с постельки – в гробочек, другую постельку, темную... И главное – просто. Тогда не страшно. Пусть так что хочешь со мной делается, а я – ничего не буду делать, ну и не виновата.

Борис (вставая). Нет, Соня. Я не могу. Мне тяжело. Ты такая... Такая странная сегодня...

Наталья Павловна. Боричка, не уходи. Она ничего, ну пусть она говорит, что хочет. Ведь говорить – легче.

Соня. Разве я тебя обидела? Ну прости. Я ведь всегда тебя обижала, а потом прощения попрошу – ты и простишь. Помните, мамочка, как вы меня раз, в Тимофеевском, за Борю наказали? Давно-давно... Я ему курточку разорвала. Я была виновата, – и долго его потом за это ненавидела. А потом помирились. Помнишь, Боря? Ведь хорошо было? А рошу Тимофеевскую помнишь? Как мы раз там с Андрюшей и с дядей Пьером еще... Ну, да что об них. А вот мы с тобой... мы с тобой...

Наталья Павловна (плача). Соня, милая моя, родная ты моя, да что же случилось-то. Ведь ничего не случилось; ведь мы все любим тебя...

Борис. Не надо, оставьте ее.

Соня (вставая, просто). Да, да. Это я так, разнервничалась. Пустяки. Все пройдет. Уж прошло. А вот что ничего не случилось – это вы не правы мама. Разве так-таки ничего и не случилось? Вот вы сейчас сказали, что все виноваты. Довольно и этому было случиться, это все виноваты стали. Это уж очень много. Вздор я сказала, неправду, что все прошло, мы виноваты, – и этому не пройти, этого не забыть... Прошло, что мы были не виноваты, а случилось. Что стали виноваты. И с этим нельзя, нельзя...

Борис. Что нельзя?

Соня. С этим нельзя...

Входят Бланк, Коген, Арсений Ильич и Гущин.

Явление 17

Бланк. Что нельзя? Чего нельзя? Все можно. Нам только что молодой поэт доказал, что все можно.

Коген. Удивительная это вещь, Иосиф Иосифович. В Петербурге, на фоне революции; пышным цветом расцвело неодакаденство: не литературное только, – жизненное, жизненное. Они в жизнь все это проводят; неприятие мира, дионисианство, оргиазм, мифотворчество... началось! Я вам говорю, решительно что-то началось!

Бланк. Одно вот: как же это они сразу проводят в жизнь, – и неприятие мира, и оргиазм? Оргиазм-то, значит, приемлют?

Гущин. Насколько мне кажется, вопросы красоты не должны интересовать г. Бланка.

Арсений Ильич. Ну, красота красоте рознь.

Коген. А я тут бываю на собраниях молодых французских поэтов. Совпадение мирозерцания поразительное. Несомненно Россия приобщается к европейской культуре. Национальная обособленность кончилась.

Бланк. Старая, конечно, кончилась. А с ней вместе и национальный идеал. Есть человечество. Черед за классовой борьбой, а не национальной.

Арсений Ильич. Вот как. А я вам должен сказать, что это не исторично. Оперлируете над отвлеченным началом. У каждого народа – своя плоть. Не могу себе представить античной Греции без синего моря, без желтых гор, без Елевзинских мистерий, [20] без маслин серых, да мрамора. Не могу себе представить...

Соня. Верно, папочка, верно. У народа и душа своя, и плоть своя. Нельзя их убивать. Я не знаю, что с Россией будет, а только одно мне ясно: кто не любит русский перелесок; да василек и мак во ржи, да пролесок с колеями, да зеленую церковную куполку, тот не знает и не любит Россию. Если василька синего не надо, да маковых огоньков, если все равно, что он, что апельсиновое дерево; – тогда и ничего не надо. Тогда уж лучше отдать все, все. Не нужна мне Россия без василька.

Бланк. Что это! Какой усталый романтизм! Точно русская революция случайна, беспочвенна. Да она сама – цветок, который стоит всех твоих васильков. В тебе, Соня, не трезвый разум говорит, а просто голос разрушающегося дворянства. Социальная революция возвратит к природе, к твоему же васильку, сотни тысяч людей, которые теперь закабалены на фабриках и заводах, оторваны от чистого воздуха, от жизни. Иди, пожалуй, к сентиментальному толстовству, а мы хотим взять от культуры всю ее правду. Васильки, маки! Видит их, что ли, русский мужик? И не думает. Он рубит леса, живет в голоде, в грязи да в пьянстве.

О васильках теперь помнят лишь барышни, отдыхающие летом в своих поместьях. Да пускай себе старые васильки да маки погибают. Вырастут новые цветы.

Борис. Да не хочу я этих новых! Противные они какие-то у вас, бумажные. Коли пропадать живым, нашим, так к черту и Россию эту вонючую дыру.

Коген. И дались вам злосчастные васильки да маки. Тут, в Париже, их сколько угодно, из Ниццы каждый день привозят. А маки не такие несчастные, как у нас по межам, а прелестные, крупные, махровые и всех цветов. На бульварах старухи продают, ну и покупайте.

Бланк. На бульварах все продается. Да наши-то маки неподкупны. Впрочем, что спорить? Разные мы люди.

Гущин (вставая). Я никогда не мог понять споров. К чему утешать друг друга? Обращаться нужно не мыслями, а ощущениями. У вас, Софья Арсеньевна, ощущения очень тонкие, я их вполне понимаю.

Соня. Очень жаль.

Гущин. Позвольте вас поблагодарить, профессор, за ценные указания. (Прощается).

Арсений Ильич. Не стоит, не стоит.

Гущин делает общий поклон

Коген. Погодите, я с вами – хочу вас немножко проинтервьюировать. Иосиф Иосифович, до свидания, до завтра.

Быстро прощается со всеми и уходит, разговаривая с Гущиным. Наталья Павловна, Арсений Ильич и Борис провожают в столовую.

явление 18

Бланк (отведя Соню на авансцену). Что с тобой? Я тобой очень недоволен. Распускаешься. Возьми себя в руки. При других, по крайней мере, держала бы себя прилично. Письма отправила?

Соня. Нет.

Бланк. Ну, это наконец просто свинство. Ведь я просил тебя. И того сделать не могла. Это все влияние расслабленного кузена.

Соня (спокойно). Не говори вздору.

Бланк. Надо уходить. Мне некогда, дел еще куча до завтра. Дай письма, я сам их отнесу.

Уходит с Соней налево, а Арсений Ильич, Наталья Павловна и Борис возвращаются из столовой.

явление 19

Борис. До чего декадентство опошилось.

Арсений Ильич. А разве оно было когда-нибудь не пошлым?

Борис. Конечно. В нем была своя глубина. Свой соблазн. А теперь слякоть какая-то пошла. Впрочем, может быть, я сам слякоть, оттого и злобствую.

Наталья Павловна. Боря все пузыри на воде. А важное в глубине происходит.

Входит Соня.

явление 20

Соня. Ушел декадент?

Наталья Павловна. Соскучилась ты по России, милая. Ну, ничего. Весной, даст Бог, все устроится, может, и в Тимофеевское еще поедем.

Мережковский Д. Маков цвет (драма в четырех действиях) filosoff.org

Соня. В Тимофеевское, в Тимофеевское.. Нет, мама, не поедем, нельзя. И не надо. Не хочу в Россию. Я в Россию не вернусь. А ты, Боря? Нет?

Борис. Нет.

Арсений Ильич. Так, что же вы тут делать-то будете, за границей?

Борис. Жить... или умирать.

Арсений Ильич. Экие вы старики! Никакой в вас игры нету!

Соня. Нету, нету... Ничего нету. Старики, старики... Эх, скучно! Тушите огни! так, кажется, Никита во «Власти тьмы» говорит?[21]

Арсений Ильич. Да тушить-то нечего, зажечь пора. Что это, темнота какая.

Входит горничная.

явление 21

Те же и горничная, которая подает Наталье Петровне телеграмма и тотчас выходит.

явление 22

Наталья Павловна (читая). Аня просит приехать сейчас же. С мальчишками неладно.

Арсений Ильич. Ну, что там, пустяки.

Наталья Павловна. Нет, съездить надо. Поедем-ка со мной.

Арсений Ильич. Избавь, голубушка.

Соня (торопливо). Нет, нет, папа, непременно поезжайте, непременно. Нельзя же так, в самом деле. Проедетесь. Поезжайте.

Арсений Ильич. Да чего ты? Ну хорошо, хорошо. Поеду. Боря, ты обедаешь? Я не прощаюсь.

Борис. Не... Не знаю, право,

Арсений Ильич. Чего там, оставайся. И куда пойдешь? А мы сейчас назад.

Уходят с Борей.

явление 23

Соня. Цветики, цветики лазоревые... лепестки, листочки маковые... алые... лепестки, лепестки их – огни... (Идет к двери). Боря! Боря! Да где же ты? (Борис за дверью: «Я иду»). Иди, иди скорее. Иди сюда.

Борис входит.

явление 24

Борис. Да что тебе? Ты торопишься, что ли, куда-нибудь?

Соня. Очень, очень тороплюсь. Нет, просто я хотела скорее, мне тебя нужно. Я ведь за тобой посылала... Они уехали?

Борис. Уехали.

Соня. Как хорошо. И мама? Я, главное, мамы все боюсь. Я рада, когда ее дома нет. Сядь. Послушай...

Борис (сажаясь). Я долго не могу, Соня. Я тоже хотел уехать. Голова как-то

Мережковский Д. Маков цвет (драма в четырех действиях) filosoff.org
идет кругом. После.

Соня. Нет, нет, я тебя не задержу. Я сейчас. Постой... Да... Что я думала? Ты меня спутал...

Борис. Тебе нездоровится, Соня, ты устала...

Соня. Перестань, оставь это, – некогда. Слушай. Я буду спрашивать, а ты отвечай, но только правду. Полную правду, так нужно. Хорошо?

Борис. Я тебе никогда не лгал.

Соня. Ведь ты меня не любишь?

Борис. Нет, Соня. Прежде любил. В Мукдене любил. И потом любил. А теперь не думаю как-то об этом. Да и ни о чем не думаю.

Соня. Ну да, да, вот и я тоже. Как тут думать, как тут любить: Андрея убили; дядю Пьера убили... мама осталась, живая, осталась... Бланк говорит, что я должна что-то делать. Я не знаю, что я должна, чего не должна... У меня кошмар: все кажется, что Андрей дядю Пьера убил, а дядя Пьер – Андрея.

Борис. А мне казалось; что это я Андрея убил. И хочется, чтоб меня Андрей убил.

Соня. Хочется? Значит, жить просто, вот как я говорила, просто жить нельзя?

Борис. Нельзя.

Соня. Пойми, нам нельзя. Нам некуда. Или дядю Пьера убивать, или Андрея, – если жить. Понимаешь?

Борис. Нет, только чувствую.

Соня (быстрым шепотом). Ты застрелиться хотел? Да?

Борис. Да.

Соня. Когда? Сегодня?

Борис. Не знаю. Может быть.

Соня. А я?

Борис (молчит, потом вдруг встает, громко). Это какое-то безумие, Соня. Как тебе не стыдно. Никто не хочет стреляться, можешь успокоиться. У тебя есть человек, который любит тебя, с которым ты связана... Наконец, и дело у тебя есть, плохо ли, хорошо ли, – должна же ты его делать. Вспомни, ведь завтра уезжаешь. А теперь прощай, я не могу больше... У меня голова болит.

Соня (смотрит на него и смеется). Прощай. Ну? Что же ты не уходишь? Ведь у тебя голова болит, а я завтра уеду в Женеву, делать дело... (смеется). Нет, ты в самом деле, ты искренно думал; что я уеду?

Борис (медленно садясь). Не уедешь?

Соня. Верил: что уеду?

Борис. Я... не верил. Нет, ничего я не думал. Ничего не знал.

Соня. Перед виноватыми, Боря, черная стена встает, и закрывает будущее, все, – и дело, и безделье, – всю жизнь, так что двигаться вперед уже некуда. Некуда, – а надо. Надо, – а некуда.

Борис. Соня, ты бредишь?

Соня. Нет, друг мой. Я слишком спокойна. Ты думаешь, я хочу умирать? Не хочу. Да как же быть-то, милый, единственный? Я и не хочу; а умирается. И ты разве хочешь? А вот и тебе умирается.

Борис. Не буду я тебя слушать, не хочу я тебя слушать.

Соня. Боря, вспомни своего отца. Ты не видел, как его убили? А видел, как Андрея убивали? Послушай: может, теперь людям, – тем, кто не умеет только жить, знает, что нельзя только жить, может, им одно и осталось дело настоящее – убивать? Одно и осталось?

Борис. Соня, Соня, молчи.

Соня. Другого и нет теперь никакого... Другие все дела – так, обман; вздор, безделье. А если этого не хочешь, этого не можешь...

Борис. И не хочу, и не могу, и нельзя...

Соня. Тогда надо умереть. Все отдали, все Андрей, все дяди Пьеры, все виноваты. Нам нужно или убивать, или быть убитыми, или... Чем же нам жить? Другие придут, они будут жить. Боря, ну разве ты не видишь? Ну разве ты не видишь?... Ведь все равно, ведь не сегодня – так завтра, ведь не вместе, так порознь... Боря!

Борис. Что же ты... Чего же ты хочешь?

Соня. У тебя здесь? Где? Здесь? С собой?

Борис. Не трогай меня... Не ищи... Здесь.

Соня. И знаешь, Боря, надо просто, просто совсем ни о чем не думая. Мы жить «просто» не умеем, а это сумеем просто, да? Ни о чем не думать. Может, о глупостях, о детстве, помнишь; как мы с тобой в Тимофеевском за ригой колокольчики рвали, и я говорила, что они «лазоревые», а ты спорил – лиловые... Помнишь?

Борис. Соня, Соня... Мне страшно...

Соня. Отчего страшно? Ну, хочешь – я сказала... Я сама... или как хочешь. Мне все равно.

Борис. А мама?

Соня. Не думай, не говори о маме, не вспоминай. Она счастливая. Она правая, она живая. И дядя Пьер живой, и Андрей... А мы мертвые, мы все равно мертвые, и нам... Нам честнее...

Борис. Соня... Ради Бога...

Соня. Что? Ну не надо. Ну успокойся. Уходи, уходи скорей, оставь меня. Что я делаю с тобой! Я не о тебе говорила, забудь... Я ничего не знаю о тебе...

Борис. Нет, Соня, ты знаешь.

Соня. Вот... и мне невероятно страшно. Ты не можешь – не думая, ты не можешь просто... Просто, радостно, светло... Здесь? (Вынимает у него из кармана револьвер, кладет рядом на стол).

Борис. Кажется, могу. Да, могу, Соня... родная... девочка моя... сестра моя маленькая... Только так и могу... Ни о чем не думая; вот о маках полевых, о дороге проселочной... Прощаться с ними...

Соня. Без страха, без боли, только с нежностью, да? Пусть они будут, милые, пусть разгораются огоньки алые... И друг с другом мы там же простимся, хочешь? Поцелуемся крепко-крепко, хочешь?

Борис (обняв ее). Соня, я знаю, я чувствую, тут вина на вину, и ты знаешь. А мне легко, точно все... простится.

Соня. Уж простилось где-то, милый. Ведь очень мы были несчастные. Очень слабые. И так мы любили... Так мы с тобой все... любили...

Берет в руку револьвер.

Мережковский Д. Маков цвет (драма в четырех действиях) filosoff.org
Занавес.

[1907]

Примечания

1

Драма «Маков цвет» была написана Д. С. Мережковским вместе с З. Н. Гиппиус и Д. В. Filosoфовым.

3

17 октября 1905 г. Николаем II был утвержден манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», который провозглашал основы гражданской свободы.

4

Имеется в виду русско-японская война (1904–1905), окончившаяся победой Японии.

5

Мукден (Шэньян) – город в Северо-Восточном Китае, административный центр провинции Ляонин. Мукденская битва (6 – 25 февраля 1905 г.) окончилась победой японских войск.

6

19 февраля 1861 г – день подписания «Манифеста», возвестившего об освобождении крестьян от крепостной зависимости.

7

Падение Порт-Артура в декабре 1904 г. означало поражение в русско-японской войне.

8

Речь идет об освобождении политзаключенных по амнистии 18 октября 1905 г.

9

В еврейской религиозной практике резервуар с водой для ритуальных омовений.

10

Вельяминов Николай Александрович (1855–1920) – хирург, академик, председатель Пироговского общества.

11

С 6–8 октября 1905 г. в Москве началось стачечное движение, охватившее всю страну.

12

Сарданапал – ассирийский царь, который сжег себя во дворце вместе с женами и сокровищами при осаде его столицы Ниневии.

Мережковский Д. Маков цвет (драма в четырех действиях) filosoff.org

13

Роспуск I Государственной Думы состоялся 27 апреля – 8 июля 1906 г.

14

Полицейское должностное лицо, командовавшее административно-полицейским подразделением уезда (станом).

15

Плеханов Георгий Валентинович (1856–1918) – видный деятель социал-демократического движения, философ, публицист.

16

Карма (санскр). – деяния, расплата.

17

Прототипом Когена послужил Николай Максимович Минский (Виленкин) (1856–1937), русский поэт.

18

Прототипом Гуцина послужил Николай Степанович Гумилев (1886–1921), русский поэт.

19

Митра – древнеиранский бог солнца, гарантирует устойчивость и согласие между людьми, определяет морально-нравственную границу. Астарта – древнесемитская богиня любви и плодородия, богиня-воительница.

20

Мистерии в городе Элевсин (недалеко от Афин), совершаемые в честь Деметры (Цереры) – богини плодородия и земледелия и Посейдона – бога морей.

21

Последняя реплика Никиты в 3-м действии драмы Л. Н. Толстого «Власть тьмы».

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!